

АЛАН
ЧАРӨИТ

КОШЧЕЕВА НЕВЕСТА

Дивнозёрье

Алан Чароит
Кощеева невеста

«Алан Чароит»

2021

Чароит А.

Кошечья невеста / А. Чароит — «Алан Чароит»,
2021 — (Дивнозёрье)

История из Дивнозёрского прошлого. Василиса — ученица деревенской ведьмы — сама вызывается стать невестой Кошечья Бессмертного, чтобы спасти от этой участи младшую сестру. Но кто теперь спасёт её саму, если в волшебном краю, как говорят, перевелись настоящие богатыри? Похоже, героя придётся воспитать самой. Такого, что не побоится узнать, где находится Кошечья смерть и какова на самом деле цена бессмертия.

Содержание

Глава первая. Клятва вслепую	5
Глава вторая. Сватовство Кошечья	12
Глава третья. Кошечья невеста	17
Глава четвёртая. Красота – страшная сила	23
Глава пятая. Раз невеста, два невеста	29
Глава шестая. Вот она какая, земля Кошечья	35
Глава седьмая. Жёны Кошечья и Невестина башня	41
Глава восьмая. Кошечья свадьба	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алан Чароит

Кошечья невеста

Глава первая. Клятва вслепую

Волчонок понял, что заклятие удалось, когда лапы обожгло холодом. Он вывалил язык, тяжело дыша, и огляделся: всё вокруг было белым-бело. Так вот он какой – настоящий снег! Немного похожий на лебяжий пух, только искрящийся на солнце так, что аж глазам больно. А когда наступаешь – хрустящий, как свежая хлебная корка...

Волчонок вырос в Дивьем царстве – в краю вечного лета – и раньше никогда не видел зимы своими глазами, только на рисунках. Ночами ему часто снился снег, хотелось попробовать его на вкус – почему-то думалось, что тот окажется сладким, как сахар.

Взрослые смеялись над волчком и его детскими мечтами, и только отец всегда говорил: мол, мал ты ещё, ничего не понимаешь. Вот подрастёшь, вся придурь вмиг пройдёт. Но книги заклинаний на всякий случай прятал: знал, что сын у него упрямый, весь в отца – если вобьёт себе что-нибудь в голову, ни ласками, ни уговорами, ни плетями не выбьешь – но вот всё равно недооценил его упорство. Волчонок тайную книгу нашёл и потихоньку утащил в свои покои, а отцу под подушку сунул другую – с похожей обложкой. Он не сомневался, что подмену вскоре обнаружат, но надеялся успеть вернуться домой раньше, чем это случится. Прежде волчонок редко осмеливался идти против воли отца, но заветная мечта стоила того, чтобы за неё побороться.

Теперь лапы ныли от пронизывающего холода, а порывистый ветер грубо трепал его пушистый белый мех. Он наклонил морду и, млея от восторга, лизнул снег. На языке осталась одна вода – не просто безвкусная, а даже с небольшой горчинкой. Волчонок не поверил своим ощущениям и снова лизнул. Комочки снега налипли на нос, и от этого очень хотелось чихать. Не сдержавшись, волчонок тоненько заскулил от обиды. Зелёные, похожие на человечьи, глаза наполнились слезами. Он так надеялся попасть в настоящую сказку, а вместо этого продрог, промок и вдобавок наелся какой-то дряни... давняя мечта обернулась разочарованием.

От жаркого дыхания его усы и шерсть на морде покрылись инеем. Чихнув, волчонок ударил лапой оземь, чтобы вернуться домой, но, увы, ничего не произошло.

Дурное предчувствие кольнуло сердце. Он снова топнул по снежному насту, но тот лишь издевательски хрустнул: ход не открывался, заклятию явно что-то мешало.

И тут волчонку впервые стало страшно. Он оказался в чужом недобром краю – Навьем царстве – впервые совсем один. И хоть был ещё юн, но ясно понимал: если дорога не откроется, ничем хорошим это не кончится.

Навьем царством правил Кошечья по прозвищу Бессмертный, который издавна враждовал с отцом волчка – царём Ратибором. Стоит только попасться на глаза Кошечьим прихвостням, и пиши пропало – те сразу поймут, с кем имеют дело. Не так-то много в мире белых волчат-оборотней с зелёными глазами...

Вдалеке на краю поля виднелись чёрные стволы деревьев, и Волчонок затрусил туда: всё было лучше, чем стоять и ждать, пока за ним придут. Навьи колдуны уже наверняка заметили вторжение – может, это они и отрезали путь назад.

На снегу за волчком оставалась такая чёткая цепочка следов, что впору было завывать от тоски и безысходности. Он прекрасно умел прятаться в летнем лесу, но зимний был совсем другим. Наверное, до сих пор беглеца спасала только его белая шкурка. Ах, каким же беспечным он был! И зачем только взял эту треклятую книгу...

Волчонок уже почти добрался до деревьев, как вдруг уткнулся носом в невидимую стену. Тихо взвизгнув, он с опаской отпрыгнул в сторону, потому что воздух перед ним вдруг заискрился, расступаясь в стороны, будто полупрозрачная кисейная завеса. Похоже, его приглашали гости – и он вошёл.

Миг – и завеса громыхнула за спиной, словно дверь хлопнула от сквозняка. Волчонок вздрогнул и обернулся – перед ним была высокая каменная стена. Попался!

Сердце сжалось и ушло в пятки. Он не сразу понял, что под лапами больше не было снега, только мягкая трава. На ещё недавно голых деревьях зазеленела листва, и стало понятно, что это вовсе не лес, а чудесный яблоневый сад. Не такой, как в Дивьем царстве (там на деревьях росли золотые плоды и хрустальные листья), а настоящий, человеческий.

В землях смертных Волчонок никогда не бывал, поэтому удивился: попасть туда можно было только через вязовое дупло, а никак не пройдя сквозь зачарованную стену. Но, по крайней мере, теперь ему не грозила смерть от холода – иней на морде вмиг растаял, запахло мокрой шерстью и травой.

Стоило Волчонку немного отогреться и перестать дрожать, как живот тут же подвело от голода. Он поискал яблоки на земле, но не нашёл ни одного: похоже, эти деревья плодоносили не круглый год, если вообще когда-нибудь плодоносили.

Оглядываясь и стараясь ступать бесшумно, он обошёл весь сад (тот оказался совсем маленьким) и понял, что тут не было ни калитки, ни ворот: неприступная стена возвышалась со всех сторон. Волчонок попробовал было вырыть подкоп, но лишь обломал когти о твёрдую сухую землю. Судя по завыванию ветра и пыльным снежным шапкам на столбах, там, за стеной, вовсю бушевала метель. Родной дом казался таким далёким, что хотелось скулить и кататься по земле, но он сдерживался. И, между прочим, не зря – потому что в саду волчонок был не один: до его ушей вдруг донеслось тихое девичье пение:

«Не для нас нынче встало солнышко, долго тянутся дни ненастные. Если выпить печаль до доньшика, никогда мы не будем счастливы. Мёд горчит, и роса полынная выпадает на травы сочные – я родные края покинула, я навек обвенчалась с горечью».

Пробуксовав лапами по траве, волчонок нырнул в кусты белоягодника, с опаской высунул из листвы самый кончик мокрого чёрного носа – и вдруг увидел красавицу с каштановой косой до колен и очень грустными синими глазами. У неё были точёные черты лица, дугой изогнутые брови и бледная, будто бы фарфоровая кожа. Уши оказались не заострёнными, как у всех, кого знал волчонок, а совсем маленькими, аккуратными, со скруглёнными кончиками. Похоже, певунья была не из дивных людей и не из навых, а из того странного народа, что живёт по ту сторону вязового дупла.

Волчонок прежде никогда не видел смертных и был сражён наповал удивительной красотой девицы. Ему захотелось выбежать навстречу, виляя хвостом, чтобы та запустила пальцы в его шерсть, почесала за ухом, – и он не без труда сдержался, продолжая украдкой разглядывать незнакомку.

Одёжка на ней была ладная, сшитая по последней навьей моде: шёлковые шаровары цвета ранней зари, шитый золотом парчовый халат, отороченный мехом и подвязанный кушаком. Бледные запястья обвивали звенящие браслеты, а тонкую шею украшало ожерелье, сделанное словно из застывших капель росы. В общем, видно было, что живёт девица в неге и достатке. Почему же она тогда такая грустная?

Красавица подошла ближе, и волчонок на всякий случай припал к земле. Он видел, как маленькие сафьяновые туфельки с загнутыми носами замерли прямо возле его морды, девушка перестала петь и, кашлянув, прошептала:

– А ну, вылезай! Я тебя прекрасно вижу, малыш.

Волчонок высунул голову, на всякий случай прижимая уши.

– Не бойся, не обижу, – девушка улыбнулась, показав ряд ровных белоснежных зубов. – А вот другие могут, ежели увидят. Я – Василиса. А ты кто такой?

Волчонок вздохнул, вылез на садовую дорожку, отряхнулся от листьев и, ударившись оземь, обернулся белобрысым мальчишкой. Всё же в человеческом облике разговаривать было намного удобнее.

– Царевич Радосвет я, – он вытер нос рукавом вышитой льняной рубахи. – Из Дивьего царства.

– Да я уж вижу, что не из Навьего, – усмехнулась Василиса. – Здесь золотоволосых мальцов днём с огнём не сыщешь. Ох и влип ты, царевич. Коль увидит тебя Кощей – не миновать беды. Тебе годков-то сколько? Двенадцать?

– Тридцать восемь, – буркнул Волчонок, одёргивая зелёную курточку. – Нешто ты не знаешь, что дивьи люди взрослеют медленнее, чем смертные?

– Мне по-нашему привычнее считать. Ну, а теперь выкладывай: зачем пожаловал? Подсматривал за мной?

– Нет! Я так... в общем... – Радосвет на мгновение задумался: соврать или правду сказать, – но всё-таки решил быть честным до конца. – Я на зиму-зимушку взглянуть хотел. Вот только заклятие меня сюда забросило, а обратно не вывело. Не знаю, почему – вроде же всё правильно сделал...

Василиса покачала головой и сплела руки на груди; её многочисленные браслеты тихонько звякнули:

– Конечно, не вывело! Ты же в Кошечью землю попал, а наш правитель страсть как не любит, когда чужаки суют нос в его дела. Твердит, мол, повсюду шпионы-лазутчики – хотят тайны выведать, огнегривые табуны свести, волшебные диковины украсть. Уж признайся, небось, тоже хотел в сокровищницу пробраться?

Царевич надул губы:

– Сдались мне ваши диковины! У моего бати у самого их тьма-тьмушая. Я всего лишь снег попробовать хотел.

– Попробовать? – очерченные брови Василисы от удивления взметнулись вверх, алые губы приоткрылись.

– Ну да. Я думал, он сладкий.

Девушка рассмеялась в голос. Впору было обидеться ещё больше, но Радосвет не сумел: её смех оказался таким заразительным, что губы сами расплылись в ответной улыбке.

– А ты сама-то чьих будешь?

Он не мог перестать разглядывать смертную: не зря всё-таки говорят – чудной они народ. Вряд ли Василиса была старше сестрицы Ясинки – а той по осени как раз пятьдесят годков стукнуло, как раз в самый невестин возраст вошла. А держалась так, будто совсем уже взрослая.

– Из Дивнозёрья я. Слышал, небось, о таком?

Глупые вопросы она задавала! Кто же из дивьих людей не слышал о Дивнозёрье – чудесном мире смертных, где на небе светят чужие звёзды, странные рогатые животные дают вкусное молоко, а жизни людей похожи на искры от костра – горят недолго, но такие яркие, что впору позавидовать. А ещё у них, говорят, бывают и лето, и зима, и сезоны сменяют друг друга в извечном круговороте. Такие вот чудеса, не то что здесь!

– Слышать-то слышал, а вот бывать не доводилось, – юный царевич повесил нос и вдруг выдал самое наболевшее: то, что давно иссушало его сердце. – Меня батя никуда не отпускает и даже в соседний лес на охоту не берёт. Сажу во дворе с мамками и няньками, будто маленький.

– Ох, понимаю, – Василиса присела на корточки и положила руку ему на плечо, отчего щёки Радосвета залились краской. – Я тоже нигде не бываю, кроме этого сада да своей башни.

– Зря. Там же снаружи зима! Настоящая! Говорят, можно играть в снежки, лепить снеговиков, кататься на санках. Ты когда-нибудь каталась на санках?

– Конечно, – взгляд синих, как васильки, глаз затуманился, губы осенила мечтательная улыбка. – У папеньки был мерин в яблоках. Серком звали. И вот каждую зиму мы запрягали Серка в сани и разъезжали по деревне. Колокольчик звенел под дугой, а мы песенки пели, колядовали. Нам за то соседи гостинцев давали: сладких пирогов да леденчиков. Ух и весело было! Жаль, этому больше не бывать...

Её лицо помрачнело, и царевичу вдруг стало не по себе.

– Почему же?! – с жаром выпалил он. – Не грусти. Айда со мной?!

Радосвет хоть и был в человеческом обличье, но в тот же миг нутром почуял Василисину неизбывную тоску и едва не взвыл по-волчьи.

– Отсюда нельзя выйти, малыш. Это моя тюрьма. И твоя теперь тоже, если я не придумаю, как тебя вызволить.

Царевич побледнел. Тюрьма? Что же натворила эта красавица, если её пришлось посадить в башню?

– Ты... – он не желал оскорбить Василису, но слова сами прыгнули на язык: – Злая ведьма? Али лиходейка какая?

– Я – Кошечья невеста. Хотя... теперь уже, наверное, жена.

– Фу-у, – Радосвет аж скривился. – Он же старый. И страшный: кожа да кости. Зачем ты за него вышла?

– Он забрал меня из отчего дома и унёс сюда. Эта башня и сад нужны для того, чтобы я не сбежала, понимаешь? – глаза Василисы заблестели, и царевич с удивлением понял, что ещё немного, и сам сейчас расплачется.

Сглотнув слёзы, он приложил руку к груди:

– Я тебя спасу! Клянусь жизнью.

– Вырасти сначала, герой, – Василиса игриво щёлкнула его по носу.

Радосвет потупился: эти слова задела его за живое. Ну почему все считают его ребёнком? Сколько можно? Он уже давно не маленький! Говорят, царь Ратибор в этом возрасте уже ходил со сворой на медведя. Может, он и не такой сильный, как отец, но зато в колдовстве поднаторел преизрядно. Даже мамки и няньки говорили – малец не воином растёт, а чародеем.

– А я клянусь! – повторил царевич, упрямо поджимая губы.

Василиса набрала воздуха, явно собираясь возразить, но вдруг осеклась. Может, решила, что и без того достаточно задела его гордость. А может, подумала – чем чёрт не шутит? Ведь дети растут быстро – даже дивьи.

В следующий миг Радосвет понял, почему Василиса промолчала. По садовой дорожке прямо в их сторону шагал парнишка лет пятидесяти (это сколько же на человеческий счёт будет? пятнадцать?), худой, если не сказать тощий, зато высокий, с каштановыми (точно такими же, как у Василисы) взъерошенными волосами, собранными в небольшой хвостик. Одет он был тоже по-навьему: в синие шаровары и атласный жилет на голое тело – даже без меха. В его лице – особенно в глазах – было что-то лисье, и царевич ничуть не удивился бы, если бы выяснилось, что парень умеет превращаться в лисицу, как он сам – в волка. Дивий царский род побратался с волками в стародавние времена, почему бы, в самом деле, другой семье так же не побрататься с лисами?

– Мама, а кто это? – парнишка с карими лисьими глазами нахмурился. Его голос был негромким и вкрадчивым, но довольно мелодичным, как у придворного певца Бояна – того самого, что издавна служил царю Ратибору, прославляя того на всех пиршествах.

– Наш гость, – уклончиво ответила Василиса, а Радосвет вдруг почувствовал, что ноги подкашиваются, и ухватился за куст белоягодника, чтобы не упасть.

– Погоди! Мама?! Он назвал тебя мамой? Я не ослышался?

Василиса, вздохнув, кивнула, а лохматый парень протянул царевичу узкую ладонь:

– Будем знакомы: Лютогор, Кошечья сын. Но лучше зови меня Лис. А как твоё имя?

– Радосвет, сын Ратибора, – царевич ответил излишне крепким рукопожатием, но Лютогор даже не поморщился, только с удивлением присвистнул.

– Ну, дела... то-то отец обрадуется.

– Мы ему ничего не скажем, – Василиса приложила палец к губам, и её сын недовольно дёрнул плечом.

– Пф! Мы не скажем, так каркуши наверняка разболтают. А то ты не знаешь! Они же обо всём ему докладывают.

– Я разогнала ворон, если ты не заметил. И вообще, пойдёмте в башню, выпьем чайку и подумаем, как нам лучше поступить.

Лютогор покосился на Радосвета с явной неприязнью, но спорить не стал, только буркнул:

– Добрая ты слишком, матушка. Оттого всякий раз и страдаешь.

Они поднялись в башню по каменной винтовой лестнице и оказались в богато обставленных покоях. Похоже, Кошечья не жалел для своей жены ничего: тут был и столик с позолоченными ножками, и вышитые шёлком подушки для сидения, и чудесная мозаика на стенах (а ещё – решётки на окнах). Повсюду стояли шкафы с колдовскими книгами (у царевича разбежались глаза, так много их было), на софе, накрытой парчовым покрывалом, лежала лютня, на столе стояли блюда с фруктами: яблоки, виноград и дыню Радосвет узнал, а остальное видел впервые.

– Попробуй, это вкусно, – Василиса протянула ему нечто оранжевое и круглое. Он взял угощение, протёр рукавом и попробовал надкусить яркий бок.

– Кожуру сними сначала, – рассмеялся Лютогор и тоже зашарил рукой по блюду, выискивая плод покрупнее. – Это же мандарин, умник.

– Без тебя знаю, – соврал Радосвет: ему совсем не хотелось выглядеть неучем в глазах Василисы.

Царевич никак не мог взять в толк: как у такой молодой красавицы вдруг оказался сын старше него самого? И ещё – почему это его так задевает?

Молчаливая черноволосая и черноглазая служанка из навьего народа разлила густой чай по пиалам и добавила туда немного масла, чем вызвала недоумение Радосвета.

– Эй! Разве чай пьют с маслом?

– А разве его пьют без масла? – фыркнул Лютогор, отхлебывая из пиалы.

Он отправил в рот несколько орешков и сушёных абрикосов и насмешливо глянул на царевича. Тот счёл за лучшее проигнорировать этот взгляд.

– Спасибо, – Радосвет кивнул служанке, но та ничего не ответила.

– А у неё языка нет, – охотно пояснил Кошечья сын. – Вырезали.

– За что? – ахнул царевич, едва не выронив пиалу из рук.

Лютогор нервно пожал плечами:

– Не знаю. Наверное, болтала много. Можно подумать, отцу нужен веский повод...

Василиса сплела руки под подбородком. Не притронувшись ни к чаю, ни к яствам, она дождалась, пока служанка уйдёт, и только потом тихо заговорила:

– Сынок, – она теребила свой шёлковый пояс. – Мне нужна твоя помощь.

– М-м-м? – промычал тот, набивая рот абрикосами.

– Мы должны отправить царевича Радосвета домой, пока Кошечья не нашёл его. Ты можешь это сделать, а я – нет.

– Допустим, могу, – Лютогор развалился на подушках, явно чувствуя себя хозяином положения. – Вот только не знаю, хочу ли... Папаня с меня три шкуры сдерёт, если узнает.

– Да вы только покажите, куда идти, а я уж как-нибудь справлюсь, – Радосвету вдруг стало стыдно: он только сейчас понял, что опасность грозила не только ему самому: у гостеприимных хозяев тоже могут быть проблемы, а ему вовсе не хотелось причинять неудобства Василисе.

– Ты не дойдёшь, – Лютогор улыбнулся так, будто бы эта мысль доставляла ему радость. – Вмиг сцапают. В отцовской спальне есть волшебное зеркало – через него он узнаёт, что в мире творится. Если мы сможем заставить его показать нам окрестности Дивьего царства и ты узнаешь какое-нибудь место, я попробую тебя туда отправить. Как только пойму, зачем мне рисковать головой из-за какого-то заблудившегося заморыша. Чем ты можешь быть мне полезен?

Василиса нахмурилась. Слова сына явно пришлись ей не по душе.

– Не тому я тебя учила, – вздохнула она.

– Помню, помню: люди должны помогать друг другу. Но я человек только на одну половину. А на другую – наследник Навьего трона. И мы, между прочим, с Дивьим царством на ножах.

– Хорош наследничек, – Радосвет, не удержавшись, усмехнулся. – Папка-то у тебя бессмертный. Так что ты вряд ли когда-нибудь унаследуешь трон.

– Так я и не хочу, – хмыкнул Лютогор, потягиваясь. – Мне этот кривой стул из костяшек даром не сдался! Только задницу себе отсиживать. Но статус, понимаешь ли, обязывает думать о стране. И о последствиях.

Он почесал в затылке, и Радосвет впервые заметил, что у Кошечья сына уши хоть и заострённые, но всё же не совсем такие, как у дивьего и навьего народа. Одно слово – полукровка.

Браки со смертными (как, впрочем, и сами смертные) были большой редкостью. Считалось, что дети от таких союзов всегда рождаются с каким-нибудь изъяном: физическим или душевным. Порой слишком жестокие, со взрывным характером, иногда и вовсе сумасшедшие – словом, от них были одни проблемы. И Лютогор всецело оправдывал сомнительную репутацию полукровок: по крайней мере, Радосвету сейчас очень хотелось его стукнуть. Он сдерживался лишь потому, что, похоже, другого способа попасть домой у него не было.

– Этот мальчик обещал помочь мне, – Василиса потянулась, чтобы потрепать сына по волосам, но тот, нахмурившись, увернулся из-под руки.

– И ты поверила?

– Он дал клятву.

Лютогор впервые глянул на царевича с интересом и снова присвистнул.

– Да ну? И как же ты её собираешься сдержать?

– Не знаю, – Радосвет пожал плечами. – Что-нибудь придумаю. Если Кошей Бессмертный похитил твою мать и удерживает против воли, как я могу оставаться в стороне? Меня учили защищать тех, кто попал в беду. Особенно, если это дело рук твоего отца. Ведь он – наш главный враг.

Лютогор многозначительно глянул на мать и допил свой чай одним мощным глотком.

– Мам, а ты не хочешь ему рассказать, как всё было на самом деле?

– Зачем? Клятва уже дана, – Василиса опустила взгляд.

– И я от неё не отступлюсь, – царевич ударил себя кулаком в грудь. – Так что если хочешь, чтобы твоя матушка стала свободной, тебе придётся сначала выпустить меня.

Лютогор закатил глаза.

– Ох уж эти дивьи герои! В каждой бочке затычка. Посмотрим, как ты запоёшь, когда узнаешь, что Кошей её не крал. Она, между прочим, сама за ним пошла!

– Это правда? – Радосвет перевёл взгляд на Василису, и та, смахнув слезинку, кивнула:

– Мне пришлось. Я не хотела, но...

– Дала слово, – закончил за мать Лютогор. – Почти как ты.

Царевич на него даже не взглянул, по-прежнему не сводя глаз с Василисы, растерзавшей край своего пояса до некрасивой бахромы.

– Что ж, – он вцепился пальцами в свою пиалу, из которой так и не осмелился сделать ни глотка, – выходит, ты обманула меня?

– Не сказала всей правды. Это не одно и то же.

– И вынудила меня поклясться?

– Неправда! Ты сам так решил, – её голос становился всё тише, а щёки – всё краснее.

– Если честно, я лучше умру, чем помогу недостойному человеку, – Радосвет по-волчьи почесал себя за ухом (он никак не мог избавиться от этой привычки – особенно когда нервничал) и тихо, но веско добавил: – Думаю, теперь тебе придётся рассказать мне всё. А потом я решу, что делать.

Глава вторая. Сватовство Кошечья

Плохо быть средней дочерью. Даже в сказках всё самое лучшее вечно достаётся младшенькому любимому детищу. Ну или старшему – по праву первородства. А среднее дитя вроде как ни то ни сё: отрезанный ломоть, пятое колесо у телеги.

Вот Василиса и была это самое «ни то ни сё».

Старшая сестрица – Злата – лицом хоть и не вышла, зато умна была не по годам. С малолетства отцу в лавке помогала, даже когда сама, пигалица, ещё до прилавка не дотягивалась, и ей табурет приходилось подставлять. Младшая – Даринка – та вообще писаной красавицей уродилась: брови вразлёт, глаза синие, как июльское небо, кожа белее снега и каштановые косы аж в руку толщиной. А Василиса так середнячком и вышла: ни умная, ни глупая и нрава самого обычного – ни весёлого, ни хмурого, да ещё и внешность как у серой мышки, нечем полюбоваться: глаза блёклые, косицы худые, сама тощая – метлой перешибёшь. Не была бы дочкой лавочника – всеми уважаемого человека, – никто бы на неё и внимания не обратил.

Впрочем, даже те немногие парни, что предлагали ей прогуляться вдоль по улице или попеть песен под гармонь, вскоре начинали звать на посиделки уже не Василису, а одну из её сестёр: либо Злату Премудрую, либо Дарину Прекрасную – так прозывали девочек в Дивнозёрье. А у Василисы даже прозвища не было: Васька и Васька. Одно слово – мышь.

Никто её не понимал, кроме бабки Веданы. Та поила девушку чайком с травами, гладила по голове и всё приговаривала:

– Не кручинься, деточка, наступит и на твоей улице праздник. Вырастешь – поймёшь, в чём твоё предназначение и для чего ты пришла в этот мир. Как я однажды поняла. А ведь тоже в твои годы странненькой слыла. Женихи шарахались, матушка родная – и та сторонилась. Так что своих деток я не прижила, семью не завела, зато, вишь, знахаркой стала. Теперь чуть что – всё Дивнозёрье к бабке Ведане бежит, и из соседней Ольховки тоже едут, и даже из города. Потому что кто ещё, кроме меня, может заговорить боль душевную да сердечную? А скотину заболевшую вылечить? А порчу снять? Никто! Ну, разве что ты со временем сможешь. Ежели будешь учиться усердно.

И Василиса училась. С пяти лет знала, какие травки в какую пору лучше собирать, с десяти уже простенькие снадобья сама могла приготовить, а к пятнадцати годкам, почитай, все заговоры вы зубрила – ночью разбуди, могла рассказать без запинки, как спастись от лихорадки-трясовицы, и от зубной боли, и даже от падучей. Вот только любовным чарам бабка Ведана не учила, хоть девушка и просила. Говорила, мол, дурное это дело. Грех на душу возьмёшь – вовек не отмоешься.

Признаться, Василиса и сама ни о чём таком не помышляла, пока Ваньку не встретила, сына кузнеца. Тот был высок, статен и силен, как бык, – всё ж таки с малых лет отцу в кузне помогал. В кулачных боях на Масленицу он всегда побеждал взрослых мужиков, охотником и рыбаком тоже был знатным. И всё-то ему удавалось, любая работа в руках спорилась. В общем, не жених, а загляденье: ещё и кудри льняные да глаза голубые, как незабудки, – век будешь смотреть, не налюбуйешься.

По Ванюше не одна Василиса сохла: многие девки мечтали, чтобы он хоть разок посмотрел в их сторону, но, как это часто бывает, повезло лишь одной – Даринке. Как только вошла сестрица в невестин возраст, так тут же стал сын кузнеца ей на подоконник цветы полевые таскать. Каждый день – и так аж до самых заморозков. Зимой тоже гостинцы приносил: то медку, то орешков, то яблок спелых, а осенью, ежели охота удалась, то, бывало, и селезнем диким баловал. Вскоре всё Дивнозёрье стало их женихом да невестой величать, хотя сватов Ванька пока не засылал. Говорил, мол, рано ещё. Сперва надо денег заработать, дом справить – не на отцовы же гроши жить. А то невеста из зажиточной семьи, к раю в шалаше непривычная.

И Даринка верно ждала своего суженого, на других парней не заглядывалась, а чужих сватов даже на порог не пускала. Отец сперва был не рад: гонял Ваньку из-под окна, помоями обливал, даже грозился собак спустить – он-то мечтал, чтобы младшенькая дочка-красавица в город уехала, за приятеля-купца хотел её замуж выдать, – но потом смирился, потому что понял – любит Даринка Ваньку пуще жизни. А он – её. И негоже любящие сердца разлучать, тем более, что парень вроде толковый...

Так и повелось, не смирилась лишь одна Василиса. Очень уж она завидовала сестре. Тогда-то и пришла в избушку на окраине деревни к бабке Ведане – просить любовного зелья. Но старая знахарка отхлестала её по щекам мокрым полотенцем, да ещё и отчитала:

– С ума ты сошла, Василисушка! Сделаешь несчастными и сестру свою, и парня этого. А сама счастлива не будешь. Сердцу-то не прикажешь, моя хорошая.

– Но я люблю Ванюшку, – Василиса размазывала по лицу слёзы, плечи её тряслись, а ноги подкашивались так, что пришлось опуститься прямо на пол.

– Если в самом деле любишь, то радоваться должна за него и за Даринку, а не пакостить за спиной. У тебя же доброе сердце, Василисушка. Забудь ты его: всем от этого только лучше будет. А потом, глядишь, и тебе папка жениха хорошего подыщет. Где-то же есть твоя любовь...

И Василиса пообещала, что забудет. Но сказать-то проще, чем сделать. Сердце не слушалось, продолжая томиться и сохнуть – только теперь уже молча.

Даринка, конечно, ни о чём не догадывалась. Она была доброй доверчивой девочкой и очень печалилась, когда сестрица вдруг стала от неё отдаляться. А вот Златка – уж на что Премудрая – сразу всё поняла. Отвела как-то Василису в сторонку, прижала к стенке и пальцем погрозила:

– А ну перестань Даринку изводить. Чем она-то провинилась? Хочешь хранить свою тайну – храни. А попробуешь им помешать, я сама тебя хворостиной отхожу так, что целую седмицу сесть не сможешь.

Василиса отпираться не стала и снова пообещала Ваньку забыть.

Она честно не хотела ни с кем ссориться, но сама с каждым днём всё больше и больше отдалялась от сестёр, сидела в углу и читала бабкины книги. А что ещё оставалось делать? Ей было слишком больно, но как унять эту боль, она не знала.

Эх, ну почему всё должно было случиться именно так?

Этой зимой она ещё как-то держалась – Ванька уехал в город на заработки, а, как говорится, с глаз долой – из сердца вон. Она бегала к бабке Ведане, лечила захворавшую скотину, помогала сёстрам по хозяйству, вышивала новую праздничную рубашу для отца... но ближе к весне стало совсем невмоготу.

Ванька приехал из города ещё до возвращения перелётных птиц, и, судя по новой одежке, дела у него резко пошли в гору.

В тот вечер, когда он – улыбающийся и румяный с мороза – зашёл в гости, Василиса ещё не спала, поэтому хорошо слышала, как они с Даринкой шушукались под окном.

– Скоро в город тебя увезу, – хвастался Ванька. – Ух, и повезло нам, милая моя Даринушка. Сам Серафим Леопольдович меня в подмастерья взял – ювелирному делу учиться. Говорит, руки у меня хоть и здоровенные, а чуткие, к тонкой работе годные. А там ещё и платят недурно. Дослужусь до мастера – так вообще жить будем припеваючи. Даже лучше, чем ты сейчас с батей живёшь. Так ему и скажи: нечего стыдиться такого зятя.

Так они до рассвета и миловались, говоря друг другу нежные слова и клянясь в вечной любви, а Василиса зарывалась с головой под одеяло и всю ночь беззвучно рыдала в подушку.

Незадолго до рассвета она приняла решение. Украдкой выскользнула из дома, вышла в чисто поле, ещё укрытое снегом, поклонилась на четыре стороны света, плеснула наговорённой водицею и взмолилась:

– Ой вы, гой еси, ветры буйные-лихие! Помогите мне избыть печаль-кручинушку. Невмоготу мне видеть чужое счастье, коли оно моему счастью поперёк горла встаёт. Сделайте так, чтобы разлюбила я Ванюшу. А ежели не можете, то уберите обоих с моих глаз долой – и его, и сестрицу – хоть вместе, хоть порознь! Я уж отплачу, как сумею. И да будет слово моё крепко.

Ветры, конечно же, не ответили, только одна далёкая зарница полыхнула в предрассветном небе.

А на следующее утро к ним приехали гости. Да не простые, а волшебные – с той стороны вязового дупла.

В Дивнозёрье очень близко сошлись мир потусторонний и мир проявленный – это всем было известно. Поэтому люди в леших, домовых да кикимор не верили, а точно знали, что те существуют.

Всех детишек с детства учили оставлять угощение на блюдечке у печки – для Хозяина, – развешивать в оконных проёмах связки чеснока, чтобы отведать упырей да заложных мертвецов, перекидывать одежду наизнанку, если заплутаешь в лесу, не ходить купаться без берегов от хитрых мавок, которые только и знают, что ищут, кого бы зашекотать, а ещё не работать в поле в полдень, чтобы не встретить девицу-полуденницу... Почитай, во всём Дивнозёрье не было человека, который ни разу бы не встречался с нечистью – «соседушками», как их тут ласково называли.

Соседушки не скрывались, но и особо на глаза старались не показываться – просто жили себе бок о бок с людьми. А вот так, чтобы въехать в деревню на тройке вороных жеребцов с огненными гривами, лихо правя резной повозкой, – такого прежде не бывало. Неудивительно, что люди сбежались посмотреть на диво дивное.

Василиса, накинув платок, тоже выскочила на улицу и обомлела, когда чудная повозка из Волшебной страны остановилась прямо возле их ворот. На козлах сидело странное существо: вроде бы и человек, но всё равно жаба. Вернее, жаб: толстый, весь в бородавках и с острыми рыбьими плавниками за ушами. Одет он был в обтягивающий огромное пузо алый праздничный кафтан, подпоясанный вышитым золотым кушаком. На макушке сияла отполированная до блеска чешуйчатая плешь, вокруг которой росли длинные зеленоватые волосы, а в них была кокетливо вплетена одинокая жёлтая кувшинка. Жаб равнодушно скользнул своими прозрачными выпуклыми глазами по Василисе и неприятным скрипучим голосом проквашал:

– Где этот ваш лавочник? Дело у меня к нему. Государственной, можно сказать, важности!

Слова застряли у девушки в горле, и она, сглотнув, просто указала пальцем на дом. Жаб хлопнул в ладоши (Василиса разглядела перепонки между его пальцами), и ворота открылись сами собой. Он завёл телегу во двор, спрыгнул с козел, подманил к себе Василису и улыбнулся – зубы у него оказались острые, будто шучьи.

– Подойди, девица. Не бойсь, не обижу. Я – Мокша, а тебя как звать-величать?

– В-василиса, – голос девушки дрогнул. – Н-неждановна.

– Пригласи-ка ты меня в дом, Василисушка, – жаб улыбнулся ещё шире. – А то понавешают берегов – не пройти честному болотнику. Ежели не веришь, что я с добром, тогда отца своего сюда позови, пускай он сам решает, принимать дорогого гостя али нет.

– Да вы заходите. Добро пожаловать, – Василиса открыла ему дверь и сама проскользнула следом тихой мышкой – очень уж ей стало интересно, зачем этот Мокша к отцу приехал. Небось, прикупить что-нибудь решил для своих жабонят?

Мокша прошёл в горницу, плюхнулся на лавку и сплёл свои жабы лапы на животе, сверля взглядом настороженного лавочника.

– Ну, дорогой хозяин, а потчевать ты меня чем будешь?

– Сперва отвечай: зачем пожаловал? – купец Неждан Афанасьевич сплёл руки на груди и глянул хмуро из-под седых бровей. – А там посмотрим.

– Эх вы, люди! – болотник от возмущения раздул щёки, и плавники за его ушами угрожающе раскрылись. – Совсем стыд потеряли, берега левый с правым попутали. Кто же так гостей принимает? Ладно, ладно, я ничего скрывать не стану. Как говорится, у вас товар, у нас – купец. Свататься я приехал к доченьке твоей.

Василиса едва не ахнула и, зажав рукой рот, ещё сильнее прикинула к дверному косяку, стараясь стать незаметной. Вот эта жаба? И свататься? Сердце вмиг ушло в пятки от страха: ох, только бы не к ней.

– Не бойсь, дядя, не за себя хлопочу, – хохотнул Мокша, видя, как вытянулось и без того длинное лицо Неждана Афанасьевича. – Знаешь, кто меня послал? Сам Кощей Бессмертный, навий князь! Даже не думай, соглашайся сразу. Во-первых, ты сам, наверное, понимаешь, что Кощей не отказывают? Понимаешь ведь? Вот то-то! А во-вторых, сам подумай – дочь твоя царицей станет! На шёлке будет спать, как сыр в масле кататься. Ты, небось, о таком даже и помыслить не мог, а?

Лавочник в задумчивости пригладил длинную седую бороду и, хмурясь, спросил:

– И которая же из трёх моих дочерей пришлась по сердцу самому Кощей Бессмертному?

Мокша расхохотался, хлопнув себя по ляжкам.

– А разве не ясно? Конечно, младшенькая, Даринушка. Красавица она у тебя, Неждан. Небось, в матушку пошла?

Василиса вздохнула. Болотник не ошибся: Даринка действительно лицом и статью была в мать – по крайней мере, все так говорили. Сама она матери не знала – та умерла, когда девочки были ещё совсем маленькими, и отец другую жену в дом не взял: побоялся, что мачеха не будет любить дочек, поэтому с детства сам о них заботился, а для помощи по хозяйству нанял работницу Марьянку. Так они впятером и жили, сколько Василиса себя помнила.

– Передай Кощей, что Дарина уже просватана, – сказал Неждан, как отрезал, и ещё кулаком по столу стукнул для верности.

– Знаю, знаю, – осклабился Мокша. – Да только разве ж то жених? Пойми же ты, глупый человек, что сам величайший из иномирных правителей к тебе сватов прислал! Ты прыгать должен от счастья!

– А я слово дал, – Неждан скрипнул зубами. – И дочери, и Ваньке.

Василиса видела, как побледнел отец. И немудрено: отказывать Бессмертному было себе дороже. Тот слыл суровым, безжалостным и жадным, хоть и несметно богатым.

Последние несколько десятков лет о Кошее ничего не было слышно: казалось, что навий князь потерял интерес к миру людей и был занят лишь своими волшебными делами. Но бабки сказывали, что ранее он не гнушался девиц из отчего дома воровать, ежели какая-то ему приглянулась. А тут вдруг жениться надумал, надо же!

– Как дал, так и возмёшь взад, – болотник потянулся, хрустнув костяшками, и добавил: – Налей-ка мне кваску, Неждан Афанасьевич. Устал я с тобой препираться, аж в горле пересохло.

Хозяин не пошевелился, и наглый гость, кряхтя, встал и сам наполнил кружку из бочонка. Добрый квас потёк по его губам, несколько тёмных капель упали на дощатый пол, и Мокша с наслаждением вытер рот рукавом.

– Ух, и добро! А Даринке ты вот чего передай, – он вынул из-за пояса резную деревянную коробочку. – Это от жениха подарочек – волшебный гребешок. Будет свои волосы чесать, и те никогда не спутаются. А расти будут – ух – гуще прежнего! Да бери ты, Кощей отказа не примет.

– У меня есть ещё две дочери, – упавшим голосом молвил Неждан, с поклоном принимая волшебный дар. – Злата и Василиса. Они пока не просватаны. Пускай навий царь выбирает любую из них, только не Даринку. Прошу!

У Василисы заколотилось сердце так, что пришлось прижать руки к груди. А ну как Мокша и впрямь согласится? По спине пробежали колющие мурашки, и девушка поплотнее закуталась в душегрейку. Нет, она ни за что не станет Кошечьей невестой! Уж лучше сразу с обрыва – и головой в омут! Жуть-река быстрая и холодная – особенно пока лёд не сошёл. Даже если захочешь – не выплывешь.

Но болотник пригладил встопорщившуюся на макушке чешую и, крикнув, покачал головой:

– Он уже выбрал суженую, дружок мой. Так что как ни крути, а ты теперь будущий царский тесть – такое вот твоё везение. Не бойсь, Кошей тебя щедро наградит. А другие-то твои доченьки, прости за откровенность, не такие уж и красавицы. Не стоит предлагать князю то, что негоже. Лучше вон пусть Ванька-оболтус другую девицу в жёны берёт, а Кошей уже свой выбор сделал. На следующей седмице знакомиться приедет, как раз в канун Навьего дня ждите с гостинцами. И ежели Даринка ему откажет, ты её своею отцовской волей заставишь, понял? А то не придёт весна и воцарится в Дивнозёрье зима на веки вечные!

Мокша в запале грохнул кружкой об пол, и та раскололась на острые глиняные черепки.

Когда вредный болотник уехал в повозке, запряжённой огнегривыми конями, Василиса выбралась из укрытия, вбежала в горницу и обняла отца обеими руками, а тот горько заплакал, уронив голову на грудь:

– Что же нам теперь делать, Василисушка? Пришла беда неминуемая... – по его седой бороде катились крупные слёзы. – Сходи хоть ты к своей бабке Ведане, спроси, может, знает она, как горюшко избыть? Странно это, что много лет о Кошее никто слыхом не слыхивал, а тут нате вам – объявился, и сразу женихаться. Занесло же супостата лихим ветром! Как будто кто-то нашептал ему о нашей Дариночке.

И тут у Василисы похолодели ладони, глаза защипало, а грудь сжало, будто стальным обручем. Кажется, она знала и кто нашептал, и что это были за ветры...

Ох, божечки, что же она наделала!

Глава третья. Кошечья невеста

Даринка, узнав о Кошечьем сватовстве, прорыдала дня три кряду, но даже от горьких слёз её черты не утратили былой красоты.

– Я сбегу, клянусь, – она яростно тёрла заплаканные глаза платком. – Не могу больше. Меня в деревне уже за глаза Кошечьей невестой кличут. А Ванюша сказал, его друзья нас в городе спрячут, там никакой Кошей не найдёт.

Злата обняла сестру за плечи и принялась раскачиваться, будто убаюкивая её, как в далёком детстве.

– Знаешь, это не выход. Вам тогда вечно придётся прятаться. Разве это жизнь? К тому же рано или поздно Кошей вас всё равно найдёт. Он же колдун!

– К тому же Мокша сказал, что найдет на Дивнозёрье вечную зиму, если ты не согласишься, – поддакнула Василиса. – Представляешь, сколько людей пострадает? Ни всходов не будет, ни урожая. До осени не доживём.

– Ох, я об этом как-то не подумала, – на глаза Даринки вновь навернулись слёзы.

– Тут по уму действовать надо, – снова заговорила старшая сестра. – Устроим Кошечью весёленькую встречу. Такую, чтобы этот гад сам решил, что ты ему не пара, и отказался от свадьбы.

– Ой, а как это? – В глазах Даринки загорелся угасший было огонёк надежды.

– Ну, я ещё не знаю, – поджала губы Злата (она всегда так делала, когда что-то шло не так гладко, как ей хотелось бы). – Но придумаю обязательно. А Васька мне поможет. Ведь правда?

Василиса с готовностью кивнула.

– Конечно. Я сегодня же схожу к бабушке Ведане. Она знает множество легенд и сказок – вдруг в какой-нибудь из них говорится, чего на самом деле не любит Кошей?

– А вы представляете, – вдруг спохватилась Даринка, – он мне тут ещё один подарочек прислал. На этот раз зеркало. Красивое, в серебряной оправе с листочками.

– Надеюсь, ты в него не стала смотреться? – нахмурилась Василиса.

– Вообще-то, уже посмотрелась, – младшая сестрица ахнула, расширив глаза от ужаса. – А что, нельзя было?

– Не стоило. А гребешком волосы расчёсывала?

– Нет.

– Уф-ф, хоть это хорошо, – Василиса с облегчением выдохнула, а старшая сестра, глянув на них обеих, упёрла руки в бока:

– Так. Кто-нибудь объяснит мне, что это за дары такие?

– Знамо какие – волшебные. Кошей хочет сделать нашу красавицу ещё краше. Этим гребешком даже три волосины на макушке почешешь, и то кудри до колен вырастут. А если уж такие косы, как у Даринки, причёсывать каждый день, то никто с ней по красе сравниться не сможет. То же и с зеркалом: чем больше в него смотришься, тем сильнее хорошеешь, – пояснила Василиса. – Вот только пользоваться ими не след, ежели жениху отказом ответить хочешь. Надобно дары вернуть.

– Да я только разок посмотрелась, случайно, – пискнула Даринка. – Больше не буду, честно-пречестно.

А Василису осенило: так вот почему сестрица даже после стольких дней слёз выглядела свежей да пригожей. Ишь, какое оно, Кошечье колдовство.

– А мне кажется, я знаю, как отвалить постылого жениха, – она недобро усмехнулась. – Кошей, видать, красоту очень любит, раз мы со Златкой ему не подошли, а Даринка по нраву пришлась. Выходит, мы должны к его приезду сделать из красавицы дурнушку.

– Но я не хочу быть дурнушкой, – Даринка обиженно надула губы. – У меня одна сестра умная, другая знахарское дело ведаёт, а у меня ничего нет, кроме моей красоты да милого Ванечки.

Словно ножом по коже пришлись Василисе эти слова. Прежде она думала, что готова на всё пойти, только бы Ваньке понравиться. Но, оказалось, нет – родную сестрицу Кошечку в жёны отдать оказалось выше её сил. Хотя и завидовала она, а всё же любила Даринку – такую глупенькую, наивную, но вместе с тем щедрую и добрую. Да что там, всё её любили! Она же всем в деревне помогала – кому словом, кому делом, а кому и весёлой песенкой.

– Дурочка, это же не навсегда! Вымажем тебя в саже, волосы разлохматим, в тине болотной вываляем, чтобы пахло погаже, а потом отмоешься и снова красоткой станешь.

– А-а-а, – Даринка втянула голову в плечи. – Тогда ладно.

Злата взяла её руки в свои и прижала к сердцу.

– Послушай, боюсь, одной внешностью тут не обойдёшься. Тебе надо притвориться, что характер у тебя дурной да взбалмошный, чтобы уж наверняка сработало. Чавкай за столом, стучи ложкой, болтай ногами, перебивай старших, говори всякие глупости и непременно перечь – мужики страсть как не любят, когда им перечат.

– Но не переборщи, а то вдруг разгневается Кошечка, – с опаской добавила Василиса.

– Ох, девоньки, боязно мне! – взвыла несчастная Даринка, заламывая руки. – Откуда я знаю, когда уже перебор будет?

– А ты на нас в оба смотри, – посоветовала Злата, глядя сестру по пышным волосам. – Если мы с Васькой чихать да кашлять начнём, значит, пора остановиться. А если сидим, не кашляем, то продолжай смело. Отца мы тоже предупредим, чтобы не испугался.

Даринкин взгляд потеплел, щёки зарумянились, на губах заиграла привычная улыбка:

– Ой, спасибо вам, сестрёнки мои любимые! Ну что бы я без вас делала!

– Чего не любит Кошечка? Ох, ну и вопросы у тебя, девочка, – бабка Ведана аж чаем подавилась.

Пришлось Василисе выложить всё как на духу: и про приезд Мокши, и про слёзы Даринки, и про хитроумный план, который они вместе со Златкой придумали. Немного подумав, рассказала и о своей вине: как вышла в чисто поле зачать ветра и как те донесли весточку до Навьего царства. Слушая её, старая знахарка становилась всё мрачнее, а услышав про ветра, и вовсе лицом окаменела.

– Выходит, это твоя вина! Подвела ты не только сестру, но и всё Дивнозёрье!

– Почему это? – опешила Василиса.

– А потому, что долгие годы Кошечка о нас даже не вспоминала. Думаешь, занят был? Как бы не так: то были чары, мудрыми бабами наведённые, чтобы супостат этот о нас и думать забыл. А ты ему, сталбыть, напомнила. Теперь он одной Даринкой не успокоится, захочет, как и прежде, девок таскать да дань собирать. А спасти нас некому. Перевелись нонче богатыри на земле дивнозёрской.

Василиса всхлинула, в носу опять засвербило, глаза заблестели, но она сумела взять себя в руки и не зареветь.

– Бабушка, а нельзя ли нам снова эти чары наложить, чтобы Кошечка позабыл о Дивнозёрье?

– Ох, непростое это дело, голуба моя, – бабка Ведана накрыла её ладонь своей морщинистой рукой. – Пока у него тут сердечный интерес имеется, никакими чарами память не зачать. Отвадить его надо от Даринки, вот что.

– Как? Отворотным зельем? – сердце Василисы забилося, как у птички.

Старая знахарка рассмеялась громким скрипучим смехом.

– А ты что ж думаешь, влюбился он по уши в твою сестрицу? Держи карман шире! Я скажу тебе, как дело было: едва напели-надули ему в уши ветры твои опрометчивые слова, сразу вспомнил Кощей о Дивнозёрье и решил в зеркало своё волшебное посмотреть. Небось, слыхала сказки-то про блюдечко с яблочком? Так вот, это всё правда. С помощью этого блюдечка навий князь куда угодно заглянуть может, даже в мир смертных. А там, видать, и попала ему на глаза Даринка-красавица. Кощей же издавна на девичью красу ох и падок был, но вместо сердца в его груди горюч камень лежит, не дрожит, не бьётся, поэтому не может оно любить. Только жажда обладания ему и ведома. Поэтому отворотным зельем его хошь пои, хошь не пои, а толку никакого не будет.

Горько было Василисе слышать эти слова. Да только слезами горю не поможешь. Набедокурила – изволь исправить. Знать бы ещё как.

– Бабуль, а хитрость наша с сажей и тиной хороша али нет? Стоит ли попробовать?

– А кто ж его знает? – бабка Ведана пожевала нижнюю губу. – Кощей-то хитёр. Но бывало, что дурачили его смертные девки. Так что пробуйте, голубки мои ясные. Но сильно на удачу не надейтесь. Надобно что-нибудь ещё придумать, ежели затея не выгорит.

– А что Ванюшка наш? – Василиса сжала кулаки, больно впиваясь ногтями в ладони. – Разве он не богатырь? Он же всех парней в деревне сильнее на кулачках. Ему бы только оружие раздобыть и...

– Буйну головушку сложить, – отмахнулась знахарка. – Думаешь, он ко мне не приходил? Да он едва про сватовство услышал, ещё раньше тебя сюда примчался, в ножках валялся, плакал, молил научить, как найти смерть Кошееву. А я бы и рада помочь, да только мне то неведомо.

– Это как же «неведомо»? – Василиса обеими руками смяла юбку своего сарафана так, что остались некрасивые заломы на ткани. – А как же игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце?..

– Ерунда всё это, голуба моя. Нешто думаешь, Кощей позволил бы, чтобы о его смерти так запросто в сказках писали? Многие добры молодцы поверили, но все они живота лишились, погнавшись за этим треклятым зайцем. Вот только боюсь, что не убедила я Ванюшку, не остерегла. Не желает он внять голосу разума, а только сердце своё глупое слышит. Ты поговорила бы с ним, Василисушка. А то ведь сгинет парень ни за что ни про что.

При одной мысли о том, что ей придётся говорить с Ванькой, у Василисы зарделись щёки.

– Ежели он тебя не послушал, то меня и подавно не станет, – буркнула она, отводя взгляд. – Нет, тут к делу иначе подойти следует: чтобы вовсе не понадобилось Ванюшке Даринку защищать да с навьим князем сражаться. Вот поэтому-то я и должна узнать, чего не любит Кощей!

Вздыхнула бабка, глянув на Василису своими подслеповатыми выцветшими глазами, и нехотя молвила:

– Ладно, поведаю я тебе всё, что знаю. А дальше ты уж сама решай, что будешь делать. Тут ведь знаешь, как бывает – из огня да в полымя легче лёгкого попасть можно. Боюсь я за тебя, Василисушка...

Но девушка лишь плечом недовольно дёрнула:

– Давай, бабуль, не томи, выкладывай всё как есть. А со мной всё нормально будет. Я же не красавица, что мне сделается?

К Ванюшке Василиса всё-таки пошла – уж больно душа за него болела. И, как оказалось, не зря: прежде чем постучаться, девушка украдкой заглянула в окно и сразу поняла, что советы бабки Веданы Ванька хоть и слушал, а не услышал. Иначе бы зачем ему точить острый ножик? Вот дурак-то! Он что, с одним ножом супротив самого Кошея идти собрался?

Вздыхнув, Василиса смахнула с подоконника снег и постучала кулачком в распахнутые деревянные ставни:

– Эй, Вань! Ты дома, что ль?

Парень дёрнул рукой и поспешно сунул палец в рот: видать, порезался. Затолкав нож под лавку, он с недовольной миной высунулся в окно и хмуро спросил:

– Чего тебе?

– Да вот, просто захотела поговорить, как ты, – Василиса пожала плечами. – Даринка извела уже, все глаза выплачет скоро, а тебя всё нет и нет. Где тебя вообще леший носит? Нет бы пришёл, ободрил, утешил...

– А толку-то от моих утешений? – потупившись, пробасил Ванюшка. – Нешто от них завтра Навий день не наступит и Кошей в Дивнозёрье не явится? Уж лучше я хорошенько подготовлюсь к встрече. Чтобы, так сказать, с распростёртыми объятиями...

– Ты хотел сказать «во всеоружии»? Ага, от меня можешь ножик не прятать, я всё видела, – Василиса поплотнее закуталась в шубейку: на грани зимы и весны ветры были особенно злыми. – И вот что я, дружок, тебе скажу: глупость ты замыслил несусветную. Он же ватще совсем Бессмертный...

– Да мне не для этого, – Ванька не поднимал глаз и избегал смотреть ей в лицо. – Даринка сказала, мол, ни за что не пойдёт за навьего князя, уж лучше смерть, чем быть Кошечьей невестой. И попросила меня... ну, ты понимаешь.

Он запнулся, всхлипнул и закрыл лицо руками.

– Да ты бражки уже накушался, что ли? – Василиса шумно втянула носом воздух. – Как тебе только такое в голову пришло, пьянь?

– Дык не мне, а Даринке, – всхлипнул Ванюшка. – Я ей сразу сказал, мол, не смогу, хоть ешь меня, хоть режь. А она мне: ежели и правда любишь – сможешь, – и глазами на меня так – зырк! И вот что теперь мне прикажешь делать? Я с самого утра ножик правлю да бражку пью... А к Даринке не иду, потому что мне ей в глаза посмотреть совестно. Я же обещал оберегать её ото всех напастей, в горе и радости рядом быть... Хорош же защитничек, а?

Василиса едва удержалась, чтобы не потрепать его по льяным кудрям: очень уж ей захотелось Ваньку утешить. От досады что-то защемило в груди, и тяжёлое дыхание вырывалось из груди вместе с паром: ей и парня было жалко – ведь понапрасну же себя изводит, – и сестрицу Даринку, так некстати попавшуюся Кошеей на глаза... вот только себя Василисе было ещё жалче. Потому что ни один человек не заслуживает этой невыносимой муки под названием «безответная любовь». А ещё ей очень хотелось извиниться перед деревенскими за то, что накликала беду на Дивнозёрье, да только бабка Ведана велела молчать, так что Василиса не могла даже душу никому открыть.

– Ты, Ванюша, ложись-ка лучше спать, – она через силу улыбнулась. – Вишь, солнце уже к закату клонится, а старики всегда говорят, что утро вечера мудренее. Я тебе травку наговорённую дам. Заваришь её перед тем, как почивать отправиться, чтобы сон тебе приснился вещий. Глядишь – так и узнаешь, как Кошечья одолеть.

– Правда? – Ванька поднял лохматую голову и поглядел на неё с такой надеждой, что Василиса почувствовала горький привкус во рту и ей захотелось сплюнуть в снег.

– Нешто я бы стала лгать, когда дело моей любимой сестрицы касается?

А внутренний голос ехидно добавил: конечно, стала бы! А что ты сейчас делаешь, дурёха. Одумайся, пока не поздно!

Но девушка лишь головой помотала, чтобы отогнать непрошенные мысли. Врать было совестно, но до совести ли сейчас, когда любимый человек самоубийственную глупость задумал? Спасать его надо.

Облизнув пересохшие губы, она достала из рукава заранее припасённый мешочек с сонотравой.

– Вот, кидай в кружку прямо всё, не бойся. А как ляжешь, прошепчи: «Домовой-домовой, пошли мне вещий сон, дай совет, как печать мою избыть-одолею» – и глаза более не открывай. Ясно?

– Спасибо, Василисушка, – Ванька улыбнулся, будто солнышко в небе просияло. – Что бы мы без тебя делали!

Мешочек он, конечно, конечно, взял и положил за пазуху, как самую величайшую драгоценность.

– Ты не бойсь, я своё дело знаю, – больше всего сейчас Василисе хотелось перестать оправдываться, но она не могла. – Мы Даринку в обиду не дадим. Нешто я не ведьма? Я уже и к бабке Ведане сходил, кой-чего она мне порассказывала. Так что ни о чём не беспокойся и просто спи. Настанет новый день – тогда поговорим.

Чувство вины сжимало горло, не давало вздохнуть полной грудью. Девушке всё казалось, что Ванюшка сейчас по глазам прочтёт и поймёт, что его подлю обманывают. Но ложь во спасение – это совсем не то же самое, что ложь ради корысти. Парня ждали хорошие сны не только этой ночью, но ещё и в две последующие, потому что сон-травы Василиса не пожалела, щедрой рукой отсыпав пригоршни три из летних запасов.

А когда Ванька проспится да снова откроет свои глаза ясные незабудковые, всё уже так или иначе решится с Кошечьим сватовством. И ножиком размахивать будет поздно. Она старалась не думать о том, что на это скажет бабка Ведана, когда прознает про сонное зелье... уж наверняка по головке не погладит...

Уходя, Василиса помахала Ванюшке рукой и от чистого сердца пожелала спокойной ночи.

Уже после заката работница Марьяна затеяла печь пироги, и всю избу заполнил сладкий хлебный дух. У Василисы аж слюнки потекли, а, казалось бы, она только недавно поужинала да ещё и Даринкину кашу съела – у младшенькой от слёз да с устатку кусок в горло не лез и ложка не шла.

– Где ж это видано, чтобы на ночь глядя печь растапливать, – ворчала Марьяна, хмуря едва заметные белёсые брови. – Спать пора. Только дурные люди ночами по улицам шастают.

– Твоя правда, Марьянушка, – Неждан Афанасьевич надел чистую рубаху, причёсал седые волосы и бороду, начистил до блеска сапоги: он выглядел празднично, но был очень бледен, как полотно. – Ждём мы и недобрых гостей, и недобрых вестей. Видала, небось, какая темень в деревне нынче? Ни огонька, ни лампадки какой... Едва солнце зашло, все по домам разбежались, двери на засовы позапирали и сидят, трясутся, молятся...

– А чё им ещё в Навью ночь делать-то? – хмыкнула Марьяна. – Не в бирюльки же играть. Время тёмное, беспокойное – всякой злобной нечисти по нраву. Вот мне надысь рассказывали, как кузнец по кладбищу шёл и под горочкой вурдалака встретил, а тот ему и говорит...

– Ой, Марьян, ну хоть сейчас не надо про вурдалаков, – тоненько взмолилась Даринка. – И без них тошно.

Василиса была согласна с сестрой: их работница была страсть как охоча до леденящих душу историй, знала их сотни, а рассказывала так вдохновенно, что даже у самых храбрых поджилки тряслись и бражка мимо усов текла. Но нынче оно явно не ко времени было. Если об ужасах в навью ночь говорить, не ровен час их и накликаешь.

Марьяна, вздохнув, отряхнула руки от муки.

– Да я это, просто развлечь вас хотела. А то сидите мрачные, как будто на собственных похоронах. Не раненько ли горевать начали? Может, ещё не придёт этот ваш Кощей, чтоб ему пусто было, супостату костлявому!

Стоило ей это сказать, как с улицы донеслись конский топ и громкое ржание. Ворота с треском распахнулись, створки сорвало с петель, жалобно затрещали доски. В мгновение

ока поднялся колдовской ураган, в небесах засверкали синие молнии, а ветви садовых яблонь неистово заколотились в окно, будто умоляя впустить их и укрыть от злой непогоды.

Даринка, пронзительно взвизгнув, упала на карачки и полезла под стол, но Василиса обхватила её за талию, потянула на себя и, закрыв рот рукой, скомандовала:

– А ну-ка стоять! Айда наверх! Там Златка уже сажи из трубы наковыряла и мешковину из сарая притащила на платье. Пока папенька дорогих гостей встречать да потчевать будет, мы принарядим нашу дорогую невестушку. Кошечья в восторге будет, уж я обещаю!

Глава четвёртая. Красота – страшная сила

Даринку всю трясло. Она то и дело порывалась закрыть лицо руками и разрыдаться, но Василиса щёлкала её по носу, на корню пресекая все попытки раскиснуть.

– А ну, рёва-корова, не реви, слышишь? А то вся сажа стечёт вместе со слезами. Зря я, что ли, старалась, тебя размалёвывала? Ты в зеркало-то посмотри! Тебя сейчас не то что Кощей, а даже батюшка родной – и тот не узнает, испугается...

– Тогда не хочу смотреться, – всхлинула Даринка. – Ой, ты чего это делаешь?

Василиса как раз распустила ленту и принялась расплетать косы сестры, высунув от усердия кончик языка.

– Как это «чего»? Причёску невесты, конечно, – она взлохматила рукой густые каштановые волосы (ох, и завидно: ей бы самой такие!).

– Но я их потом не расчешу-у-у, – заныла Даринка, но Василиса в ответ грубо шикнула на неё:

– Цыц! Я помогу. Потом. Когда всё это закончится и Кощей уйдёт. Эй, что там у нас внизу творится? – она обернулась к застывшей в дверях Злате.

Старшая сестрица в снаряжении невесты участия не принимала: вместо этого отправилась посидеть на лестницу, послушать чужие разговоры и сейчас как раз вернулась, запыхавшаяся, с новостями.

– Он приехал, девочки! И Жаб этот лупоглазый вместе с ним. Оба расфуфыренные, как на праздничек: в шелках, в мехах, в жемчугах. Батюшка их за стол усадил, пирогами потчует, бражку налил, только Кощей не ест, не пьёт, только талдычит, мол, где же его невестушка, краса ненаглядная, лебедь белая...

Даринка ахнула, закрыв рот рукой. На ладошке остался отпечаток перемазанных в саже губ.

– А батя на это что?

– Говорит, мол, наряжается: это ж бабы, их завсегда долго ждать приходится. Зато чем дольше ждёшь, тем сильнее потом радость встречи. Кощей зубами скрипит, вертится на лавке, как будто бы шило у него в седалище воткнуто, но пока терпит и только когтями так по столешнице «кляц-кляц».

Василиса невольно поёжилась, а у Даринки глаза расширились на пол-лица.

– У него ещё и когти?

– Ну, ногти, конечно, – поёжилась Злата. – Только уж длинные очень.

– А как он вообще выглядит? – Даринка понизила голос до шёпота, и Василиса затаила дыхание – ей тоже было страсть как интересно.

– Высокий, худой, лицо смуглое, а кожа как будто на скулы натянута и нос крючком – в общем, на коршуна похож. Глаза чёрные, как два потухших уголька. И волосы тоже тёмные, густые, назад зачёсаны да в длинный хвост забраны, наподобие конского. Не старый, как наш батюшка, но и не молодой – на вид так и вообще не скажешь, сколько ему лет.

– Да уж наверняка не одна сотня, – Василиса принялась с удвоенной силой запутывать Даринкины волосы. – Он же, как-никак, бессмертный!

– Злат, а он очень страшный? – Даринка шумно втянула носом воздух.

– Не урод, если ты об этом. Но, знаешь, от него таким холодом веет... могильным. Смотришь, и сердце сразу в пятки – ух!

– Ух... – эхом повторила младшая из сестёр и сжала губы в тонкую линию. – Девоньки, я к нему не выйду! Хоть ешьте, хоть режьте. У меня поджилки трясутся и заплетаются.

– Ты хотела сказать: «Язык заплетается»? – Василиса, не удержавшись, фыркнула.

– Ой! Ну, вы поняли. В общем – нет! Лучше я со второго этажа выпрыгну – авось не убьюсь! Где же Ванечка мой ненаглядный? Почему не приходит за мной? – она бросила встревоженный взгляд за окно в ночную тьму.

Василиса взяла сестру за подбородок и развернула к себе:

– Ну подумай ты головой хоть немного: разве сдюжит Ванька супротив Кощея? Куда ему с бессмертным тягаться? А тебе оплакать его не терпится, что ли? Ещё свадьбу не сыграв, вдовою стать?

– Дратся я бы и сама его не пустила, – насупилась Даринка. – А вот сбежать – сбежала бы. Хоть прям шас!

– Мы уже говорили, что Кощей не успокоится, пока вас не найдёт, – Злата потрепала сестру по щеке и украдкой вытерла испачканные в саже пальцы о скатерть на столике.

– Не придёт твой Ванька, – безжалостно добавила Василиса, сплетая руки на груди. – Можешь даже не надеяться.

– Это ещё почему? – ахнула Даринка. Её глаза наполнились слезами. Ну всё, теперь точно не сдержится, заревёт.

– Да потому что спит он богатырским сном и храпит так, что аж занавески развеваются. Хлебнул лишку, наверное! – Василиса усмехнулась, но на душе вдруг стало пакостно, а во рту опять появился горький полынный привкус.

Сестрица поникла, даже «воронье гнездо» на голове и лицо, перемазанное в саже, не могли скрыть её горя.

– Как он мог? В такой момент!

– На себя надеяться нужно. И на нас со Златкой тоже – мы тебя в обиду не дадим, – Василиса с усилием сглотнула едкую горечь.

Она обязательно расскажет Даринке, что Ванюша ни в чём не виноват: что не напивался допьяна и не бросал свою возлюбленную на произвол судьбы – но не сейчас, а потом, когда всё будет позади. Иначе откуда сестрица возьмёт силы, чтобы сопротивляться Кощей и сыграть кикимору невоспитанную? Они со Златой сделали всё, что могли, – дальнейшее же зависело от самой Даринки. Ей нельзя было не справиться.

– Помни: веди себя так, чтобы самой тошно делалось, – Василиса скрестила пальцы на удачу, чмокнула сестру в макушку и легонько подтолкнула в спину. – Ну, иди!

И Даринка пошла на подкашивающихся ногах. Мешковина волочилась за ней, оставляя на полу обрывки нитей, в волосах застрял мусор и опилки, на грязных щеках виднелись мокрые дорожки от слёз. Да, пожалуй, даже пугало огородное показалось бы Кощей краше, чем его наречённая!

Василиса улыбнулась, довольная своей работой.

Появление Даринки произвело неизгладимое впечатление. Отец нервно икнул, со звоном выронив из рук ложку, Мокша подавился пирогом и зашёлся в приступе квакающего кашля, и только Кощей даже бровью не повёл.

– Долго же мне тебя ждать пришлось, Дарина Прекрасная. Ну что же ты стоишь? Садись, в своих ногах правды нет, – он говорил, рубя фразы, как человек, привыкший командовать, и вдобавок слегка шепелявил, отчего низкий вкрадчивый голос казался похожим на змеиное шипение.

Чёрные глаза-угли смотрели властно и цепко. На пальцах поблескивали самоцветные кольца, а грудь украшала золотая цепь с крупным рубином в ажурной оправе. Бархатный чёрный кафтан был отделан волчьим мехом, из-под него виднелись рукава алой нижней рубахи. Пояс из наборных пластин (судя по всему, тоже золотых) позвякивал всякий раз, когда Кощей наклонялся или елозил задом по скамье. И правда, шило у него в одном месте, что ли? И спина прямая, будто бы оглоблю проглотил.

– Здрасьте! – гаркнула Даринка и утёрла нос мешковатым рукавом. – А чо ж вы на ночь глядя по гостям шастаете? Я уж спать собралась, а тут вы понаехали! Приходите завтра.

– Дни принадлежат всем на свете, а ночи – только мне, – усмехнулся Кощей, выпячивая вперёд острый подбородок. – Ты уж прости нас, красавица, за неурочный визит.

Он похлопал по лавке рядом с собой, но Даринка, обойдя стол, уселась напротив и сразу же потянулась за пирогом.

Отец поморщился от стойкого запаха тины, а Мокша, наоборот, счастливо заулыбался, почуяв дух родного болота, и шумно втянул ноздрями воздух.

Девушка сгребла грязной рукой сразу два куска пирога и, чавкая, принялась уминать угощение, не забывая раскидывать вокруг себя начинку из капусты с мелко порубленными яйцом и луком.

Неждан Афанасьевич закатил глаза к потолку и что-то невнятно простонал, но, встретившись с отчаянным взглядом Даринки, вмиг умолк и уставился в свою кружку.

– А ты, значит, князь? Всамделишный? А большое ли княжество? И что там у тебя хорошего есть? – голос Даринки звучал глуховато: всё же ей было непривычно говорить с набитым ртом.

– Всё, что захочешь, то и есть, – тонкие губы Кощей снова растянулись в подобии улыбки. Василиса не могла понять, почему он смотрит на Даринку почти что с умилением, как люди порой смотрят на маленьких игривых котят. – Расскажи, чего бы тебе хотелось, душа моя?

– Пирожных! – невеста смачно рыгнула. – А ещё сластей заморских мешок. А то папенька мне жрать не даёт, жадничает. Говорит, мол, разнесёт, как свинью, никто замуж не возьмёт. Ну а после замужа, сталбыть, можно и покушать. А ещё музыкантов с трещотками хочу. И чтобы саму меня на трещотке играть научили, а уж я твой слух, дорогой женишок, каждый день улаживать буду. Трещать, как говорится, не перетрещать.

– Эти желания я могу исполнить, – важно кивнул Кощей. – Будут тебе и сласти, и трещотки.

Мокша, с опаской тронув повелителя за рукав, пробормотал:

– А не стоит ли нам, мой господин...

– Не стоит, – не дослушав, отрезал Кощей.

Бессмертный гость даже не взглянул на болотника, продолжая сверлить Даринку обжигающим взглядом. Даже под слоем сажи было видно, как мучительно покраснела девушка. Вздыхнув, она отвела глаза: кажется, её задор почти иссяк, а Кощей даже и не думал злиться, топтать ногами или отказываться от брака с таким неумытым чучелом.

– Но вы разве сами не видите?... – забулькал Мокша.

Кощей пнул его под столом острым носком сапога прямо под колено:

– Вижу. И побольше твоего, мой не к месту квакающий друг. Девица-красавица зело расстаралась. Видать, желала впечатлить меня да позабавить. Так ведь, душа моя?

Он накрыл её руку своей. Даринка, вздрогнув, отдернула ладонь и замотала головой.

– Нет, я просто замуж за вас не хочу! У меня другой жених есть. Получше некоторых.

Породистое лицо Кощей помрачнело, глаза злобно сверкнули из-под нависших над глазами чёрных бровей, и Златка с Василисой дружно закашлялись – это был условленный знак, что сестрица что-то не в меру расстаралась. А ну как теперь Кощей её в лягушку превратит? Он же, как-никак, могущественный чародей.

– Ты меня совсем не знаешь, душа моя. С чего же решила, что твой Ванька лучше? Знаешь, сколько я таких ванек в своей жизни повидал? Все они на словах смелые, а как защитить невесту от... так, глядишь, и нет никого, – он развёл руками и завертел головой на тонкой шее. – Что-то я его здесь не вижу... Никак, струсил парень.

– Я всё равно его одного люблю, – у Даринки уже зуб на зуб не попадал от ужаса, но, сколько бы сёстры ни кашляли, она не унималась. – А тебя не полюблю никогда!

– Стерпится – слюбится, – хмыкнул Кощей, мерно постукивая ногтями по столешнице. – Батюшка твой не возражает, уже, считай, отдал мне тебя. За золото, жемчуга да ткани парчовые.

Неждан Афанасьевич хотел было возразить, но грозный гость щёлкнул пальцами, и отец, захлебнувшись воздухом, не смог издать ни звука.

– Я считаю, это мудрое решение, – голос Кощей стал слащаво-елейным. – Ему же двух других дочек надобно кормить, одевать да замуж выпроваживать. А они далеко не красавицы, насколько я успел заменить. Тут без хорошего приданого не обойтись.

– Ну и что, я вот тоже не красавица, – Даринка шмыгнула носом.

– Это поправимо.

Кощей опять щёлкнул пальцами, и Василиса невольно ахнула, перегнувшись через перила: от её стараний вмиг не осталось и следа. Сажа исчезла, лицо сестры очистилось, будто бы став даже белее, чем прежде, спутанные волосы сами сплелись в тяжёлые косы, украшенные золотыми лентами, на голове появился кокошник с самоцветными камнями, а роба из ветхой мешковины стала парчовым красным сарафаном, украшенным золотым шитьём и жемчугом. Наряд был достоин царицы.

Даринка уставилась на свои руки (на запястьях мелодично звякнули новенькие браслеты), ахнула и ухватила начищенный до блеска поднос, чтобы поглядеть на своё милое отражение.

– Это... как же?..

Невысказанные слова застряли у неё в горле – притворяться больше не было смысла. Кощей взял её руку в свои и на этот раз не позволил вырваться.

– Батюшка не рассказал тебе самое главное? Коли не пойдёшь за меня, вечная тьма наступит в Дивнозёрье. Никогда больше не встанет солнце, не придёт весна. Сегодня навья ночь – в неё я наибольшую силу имею, поэтому всё будет по-моему. До рассвета осталось четыре часа. Поговорим, душа моя, узнаем друг друга получше, как подобает будущим супругам. А потом я ещё раз спрошу, и ты сама дашь ответ. Смотри, не прогадай – выбирай с умом. От тебя зависит, будут твои родные жить или нет.

Даринка зарыдала в голос, уронив лицо на руки. Побледневший, как смерть, отец гладил её по волосам, приговаривая:

– Доченька, родненькая кровиночка моя, ну, не плачь, не плачь... Стерпится – слюбится.

Мокша хихикал, с упоением продолжая жрать пироги и пить бражку. На его кафтане расплывались свежие масляные пятна. Кощей сплёл руки под подбородком и взирал на всё происходящее с самым довольным видом.

Василиса ударила по перилам кулаком: она больше не могла смотреть, как гости обижают её сестру и как отец ничего не может с этим сделать. Она взбежала вверх по ступеням, громко стуча башмаками по ступеням, влетела в сестрицыны покои и, упав на кровать, дала волю слезам.

«А ведь это всё из-за тебя, – ненавистный внутренний голос пришёл незванным, чтобы терзать её разум. – Подставила сестрицу, опоила Ваньку, расстроила батюшку и всё Дивнозёрье подвела, дурёха. Ни стыда, ни совести у тебя нет».

Кровь стучала в висках, дыхание перехватывало от рыданий, а от вернувшегося полынного привкуса немел язык.

– Есть у меня совесть! – Василиса сжала кулаки. – Это ведь она на губах горчит, я знаю. Мне бабушка Ведана говорила.

«Давай, убеждай себя, – внутренний голос, казалось, насмеялся над ней. – Плачь, рыдай, только вот слезами горю не поможешь, сестру не спасёшь и Кощей не отвадишь. Поздно спохватилась, голуба».

– Что же мне делать? – всхлипнула Василиса.

Голос молчал. Да и на какой ответ можно было надеяться, если она сама с собой разговаривала, как полоумная?

– Василиса! – в дверь постучалась Златка. – Ты там? Впусти меня!

– Отстань от меня, – она могла только зубами скрипеть от бессилия. – Иди к Даринке. Ей сейчас утешение нужнее!

Старшая сестра ещё немного постояла под дверью, а потом всё-таки ушла – на лестнице послышались её торопливые шаги. Василиса села на кровати и дважды со всей силы хлопнула себя по щекам. Как ни странно, это помогло: по крайней мере, рыдать она перестала.

«Так-то лучше, – похвалил внутренний голос. – Давай, думай, Василисушка, светлая ты голова!»

Ох, это легко сказать, да сложно сделать. Златка у них умная, Даринка – прекрасная, а она – ни то ни сё: серая мышка, глупые мыслишки...

Василиса подошла к зеркалу, глянула на своё распухшее зарёванное лицо и поморщилась, словно от зубной боли: ох, ну и красота – страшная сила!

И тут её осенило: вот же оно, решение! На поверхности обреталось! Она ещё может убедить Кошю отказаться от невесты, если предложит ему равноценную замену.

Василиса взяла со столика Кошечье зеркальце, сжала в руке волшебный гребешок. Резная деревянная рукоятка казалась тёплой, будто бы солнышком её нагрело. На душе отчего-то вдруг стало легче, хотя девушка ещё не знала, удастся её задумка или нет. Но сердце подсказывало, что она находится на правильном пути.

Василиса одним ловким движением распустила свои жидковатые пепельные косы и уверенной рукой принялась их чесать-начёсывать.

И вот чудеса – с каждым движением гребня волосы становились всё длиннее и гуще, невзрачный серый цвет переменялся до сочно-каштанового, будто какой-то невидимый художник решил добавить красок в её пряди, с кожи исчезли желтоватые пятна, почернели соболиные брови и ресницы, губы стали полнее и ярче. Чем дольше девушка смотрелась в волшебное зеркало, тем больше ей нравилось собственное отражение. Сколько там ещё осталось до рассвета? Успеет ли она за это время стать красивее сестры? Она надеялась, что успеет.

Василиса вышла из светлицы прямо перед самым восходом солнца.

– Ну что, душа моя, – она сразу же услышала лстивый голос Кошю. – Настало время дать ответ. Говори, что надумала?

– Нет, – прошептала сестра. – Я не могу...

Василисины башмаки застучали по ступеням, но на звук никто не обратил внимания.

– Доченька, Даринушка, не губи нас! – взмолился отец, и Василиса брезгливо поморщилась: тот, похоже, был мертвецки пьян. – И сама сгинешь, и мы не выкарабкаемся. А так ты ж княгиней станешь! Может, оно и неплохо там живётся, в Навьем-то княжестве?

У Даринки от обиды задрожали губы.

– Папа, ты меня прогоняешь? – голос плаксиво дрогнул.

Василиса поняла, что медлить нельзя – сейчас сестра не выдержит, поддастся на слёзные уговоры батюшки, и тогда пиши пропало.

– Эй ты, Кошей, – крикнула она, расправляя плечи. – Оставь её, пускай дальше себе ломается, ишь, краля выискалась. А вот я бы тебе сказала «да», коли бы ты спросил!

– Доченька?! – ахнул отец и навзничь брякнулся с лавки.

Златка бросилась к нему, принялась охат, хлопотать, поднимать. Даринка так вообще раскрыла рот и забыла закрыть. Василиса старалась не смотреть на сестёр – в их глазах ей чудились упрёк, разочарование, даже ненависть.

Мокша растерянно квакнул, прищурился и принялся яростно тереть свои круглые жабы зенки.

А навий князь, оперев подбородок на костлявый кулак, молча пожирал её взглядом.

Глава пятая. Раз невеста, два невеста

– К-как это – «беру обеих»? – пролепетал Неждан Афанасьевич, когда к нему вернулся дар речи. – Не было такого уговору! Где ж это видано, чтобы одному да сразу на двух девицах жениться?

– А ты Кощею-то не перечь! – Мокша стукнул по столу перепончатым кулаком и грозно завращал рыбьими глазами. – Князь сказал: собирай обеих дочерей в дорогу – значит, так тому и быть!

А сам навий правитель улыбнулся, растянув тонкие сухие губы, и молвил ласковым шелестящим голосом:

– Нешто ты, Неждан, неуч какой? А с виду вроде вроде умный мужик. У нас в Нави никому не возбраняется по несколько жён иметь. А уж мне-то вообще никто ничего запретить не может. Али ты хочешь попробовать?

Василиса никогда прежде не видела отца таким несчастным: у него тряслись коленки, зубы стучали друг о друга, а лицо стало белым как полотно. Купец несколько раз открывал и закрывал рот, потом во взгляде появилась мрачная решимость – какая бывает только перед прыжком с обрыва в воду. В таких случаях обычно говорят: «Или пан, или пропал». Ох, только бы не натворил чего непоправимого...

Она успела вмешаться прежде, чем кто-либо другой раскрыл рот:

– Эй, княже, – с губ сорвался нервный смешок. – Вижу, я тебе по нраву пришлась?

– По нраву, – осклабился Кошей, подтянув пальцем ворот своего бархатного кафтана, будто бы ему вдруг жарко стало. – Похоже, обманул меня Мокша, старая жаба! Говорил, мол, только младшая дочь моего придирчивого взгляда достойна. А средняя – обычная замухрышка. Небось, сам жениться на Василисушке хотел, а?

Он отвесил болотнику подзатыльник, и тот, съёжившись, заверещал:

– Н-никак нет, дорогой Кошеюшка! Поклёп это! Не нужны мне эти бабы! Ну не в смысле вообще не нужны, а токмо дочки Неждановы! Для тебя искал, старался. А Василиска ой хитра – небось в зеркальце твоё смотрелась и волосы начёсывала, чтобы жениху понравиться. Так ведь, признавайся!

– Так, – не стала спорить Василиса. – Глянула я на князя-то и подумала: хочу, понимаешь, княгиней быть. Вот только слыхала я, что младших жён может быть много, а княгиня всего одна. Это правда?

Кошей важно кивнул, теребя костлявыми пальцами нагрудную цепь.

– Правда. Эту честь сперва заслужить надобно.

– Я заслужу! Сделай меня княгиней, а Даринку оставь дома. Может, нехорошо так про сестру говорить, но она тебе не пара. Ты вон какой – бессмертный! Значит, мудрый. А она у нас дурочка набитая.

Заслышав такое, Даринка охнула. Её синие глазищи наполнились слезами, губы искривились в плаксивой гримасе.

Василисе хоть и жаль было сестру, но она беспощадно добавила:

– И неумеха к тому же. Всё из рук валится. Пироги не печёт, хату не прибирает, даже песни поёт – ну чисто телега несмазанная скрипит. Наша кошка Мурка и то мелодичнее мурлычет. Одно слово – негодная невеста.

Тут уж Даринка не сдержалась – разревелась в голос. А Василиса, закатив глаза, подумала, что у сестры и правда волос долог, а ум короток. Неужели не понимает, глупая, что её спасти пытаются и нарочно оговаривают, чтобы Кошей отвадить.

– Странное дело, – навий князь поскрёб длинным ногтем острый гладко выбритый подбородок. – Ежели ты в моё зеркало смотрелась да так похорошела, что глаз не отвести, – зна-

чит, душа у тебя красивая, добрая. Оно ведь не просто всех девиц пригожими делает, а обнажает, так сказать, внутреннюю суть. Было бы у тебя сердце с червоточинкой, сразу бы и на лице отразилось уродство. Значит, ты врешь. Зубы мне заговариваешь, чтобы сестру избавить от постылого жениха, – он усмехнулся и тут же вновь нахмурился, сдвинув кустистые брови к переносице. – Не выйдет, Василисушка. Ты хитра, да я хитрее. Не зря сотни лет на белом свете живу, все ваши бабские уловки насквозь вижу. Да и, по правде говоря, плевать мне, что невеста негодная. Я с ней не книжки читать собираюсь. А пирогов да пряников слуги напекут.

Он встал из-за стола, и Василиса ахнула – навий князь был не только тощ как жердь, но и высок – на целую голову выше батюшки.

Мокша тоже вскочил (его лысая макушка едва доставала Кошечью до груди), запрыгал рядом, смешно шлёпая губами:

– В общем так, Неджан Афанасьевич, чтобы к завтраму Василиска и Даринка были готовы. Сундуков особо много в телегу не грузи: для Кошечьих невест у нас одежда найдётся, да получше, чем нынешняя. Всякие притирки и снадобья для бабьей красоты тоже ни к чему – в Нави всё, что душеньке угодно, есть. Пуцай попрощаются с подруженьками, повоюют до восхода, как сыздавна положено, а как светать начнёт, так сразу и поедем жониться.

– Но... как же... – начал было Неждан, но наглый болотник нетерпеливо отмахнулся.

– За откупные не переживай. Слово Кошечье – закон. Хочешь злато – будет злато. Камней драгоценных тоже отсыпать могу. Али шелков навий наитончайших для лавки твоей? Ты, главное, скажи, купец, чего сам-то желаешь?

Отец пожевал губу и вдруг еле слышно попросил:

– Хочу с Навью торговые дела вести. И чтобы другие купцы таковой привилегии не имели. Чтоб ни у кого другого не закупался князь, а только через меня все сделки шли.

Заслышав такое, Василиса не сдержалась – всплеснула руками. Вот, значит, какова цена родительской любви? И тут же обругала себя мысленно: их батюшка не богатырь, не воин. Станет перечить Кошечью – верную погибель найдёт. А так хоть семье польза будет. Может, для Златки жених хороший сыщется. Должна же хоть одна из трёх сестёр найти своё счастье?

Но повить-порыдать и правда хотелось: жизнь свою молодую едва начавшуюся оплакать. Что уж говорить – сама виновата. И Даринку не спасла, и себя погубила. Оставалось только высоко поднять голову, выйти из дома, чувствуя спиной внимательные взгляды непрощенных гостей, на негнувшихся ногах дойти до отцовской конюшни и, рухнув в сено, дать волю горьким слезам.

Именно там Василису спустя четверть часа нашла работница Марьяна и, оперев руки в бока, хмуро спросила:

– Ну что, прорыдалась?

И, получив утвердительный ответ, добавила:

– Давай теперь думу думать, как вас с сестрой избавить от лихой участи. Мы все у бабки Веданы собираемся. Ты пойдёшь?

Василиса, сглотнув слёзы, кивнула.

Признаться, она уже ни на что не надеялась, но теперь, заслышав имя старой ведьмы, воспрянула духом. Потому что уж если кто и может помочь избыть беду, так только она. Не зря же её называют хранительницей Дивнозёрья!

Увы, надежды оказались преждевременными. Бабка Ведана хоть и была мудрой колдуньей, но верного средства от всех бед разом у неё в кладовой, увы, не сыскалось.

Посмотрев на заплаканное лицо Василисы, старуха сокрушённо цокнула языком и, сунув ей в руки глиняную чашку со свежесваренными ароматными травами, шепнула:

– Ну что, заварила кашу, девица-красавица? Теперь хлебать – не перехлебать!

Василиса шмыгнула носом и пригубила обжигающий напиток, почти не чувствуя жара на искусанных губах. Они болели, да. Но на душе было ещё больнее.

Ей на руки спланировал бабкин питомец – коловерша по имени Пушок, рыжий, как закатное осеннее солнышко. Распластал крылья по коленям, будто обнимая, и ткнулся сухим носом в ладонь. Утешить хотел, наверное... Василиса со вздохом потрепала его между ушей, увенчанных смешными кисточками. Эх, жалко, ты, Пушочек, говорить не умеешь. Хотя, может, оно и к лучшему. А то сказал бы сейчас: мол, дура ты, Васька. И был бы прав.

Дикие коловерши – удивительные существа, больше всего похожие на помесь кошки с совой – с давних пор населяли леса окрест Дивнозёрья, но людям на глаза старались не показываться. Благо это было не так-то сложно: они умели становиться невидимыми, и лишь колдовскому взгляду под силу было разглядеть коловершу, который не хочет быть замеченным.

Пушка Василиса пару лет назад нашла в лесу – раненого и совсем выбившегося из сил. Подобрала зверушку да и отнесла бабке Ведане на лечение. Сама тоже с зельями да отварами помогала, выхаживала, как могла, ночей не досыпала – всё бегала проверять, как там Пушочек (именем этим она сама его нарекла, и коловерша с радостью на него откликался). Сперва они с бабкой думали выпустить Пушка по весне в лес, но тот, перезимовав, не захотел улетать да как-то так в ведьминой избе и прижился. А как освоился да поздоровел, сразу начал жрать за троих.

Коловерша лизнул Василисины пальцы шершавым языком и с надеждой заглянул ей в глаза, выпрашивая лакомство. Ах, прожора маленький! Жаль, в этот раз у Василисы ничего вкусного не нашлось. Не подумала она о Пушке (до того ли было!), вот и не захватила с собой угощение.

Злата, Даринка и Марьяна тоже были тут – расселись по лавкам, словно птицы на жёрдочке. Они коловершу, конечно, видеть не могли, да и не волновали их бабкины питомцы, пускай и волшебные. Василиса положила руку Пушку на холку, чтобы тот перестал возиться, и прислушалась к уже начатому разговору.

– Не понимаю, где же Ванюша, – Даринка говорила так тихо, что приходилось напрягать слух, чтобы разобрать слова. – Почему не пришёл? Он же обещал!

– Была я у него, – Марьяна недовольно поджала губы и поправила сползший с головы платок. – Дрыхнет, подлец. Видать, хлебнул лишку для храбрости, тут и сморило его. Уж я в окно колотила, в дверь дубасила – а ему хоть бы хны. Вот и верь после этого мужикам!

Василиса тихонько шмыгнула носом. Не любо ей было, что Ванюшку по её милости в подлецы да пьяницы записали. Да что уж теперь? Не признаваться же в содеянном?

Марьяна пьяниц ух как не любила! Говорят, жених у неё был – хороший парень, только до бражки слабый – однажды опосля гулянки упал в лужу да и захлебнулся в двух шагах от родного дома. С тех пор Марьяна на других парней не смотрела и замуж так и не вышла, хотя многие сватались. Теперь-то уж поздно невеститься – в двадцать семь годков. Но Марьяна ничуть не унывала, словно никогда и не хотела стать мужней женой. На язык она была остра, руками обладала сильными и ловкими – в таких работа сама спорилась. А готовила – м-м-м, пальчики оближешь! Самые лучшие пироги в Дивнозёрье пекла! Даже у матушки покойной такой румяной корочки не получалось.

Даринка, заслышав про Ванюшкино пьянство, совсем скисла, и Василиса всё-таки не сумела удержать язык за зубами. Хотела – да не смогла.

– Ты прости меня, сестрица Даринушка, – она случайно слишком сильно сжала холку Пушка, и тот недовольно вякнул. – Не виноват твой Ванька, любит он тебя больше всего на свете. Это моих рук дело, я его сон-травой опоила.

– Ты? Да как же ты могла?! – ахнула Даринка, заламывая руки. – А ещё сестра называется! Зачем так плохо поступаешь?

– А затем, что жизнь ему хочу сохранить. Хороший у тебя жених, сильный, а всё ж таки не богатырь, – проворчала Василиса, отводя взгляд, будто боялась, что посмотрит ей сестра глаза в глаза да и увидит там всю неразделенную любовь к Ванюшке. – Пришла я, понимаешь, на двор, заглянула в окошко, а он сидит и ножик точит. Это чтобы супротив Кошечья, значит, с ножом идти. А этот гад бессмертный же! Погиб бы твой Ванюша ни за что ни про что.

– Ой, – всплеснула руками Даринка. – Об этом я как-то не подумала. Глупая я... Спасибо тебе, Васенька.

Бабка Ведана вновь неодобрительно цокнула языком и так многозначительно гроыхнула железным противнем в печи, что Василиса поняла – ежели она сама сейчас не сознается во всём, не смолчит старая ведьма. Да и ей самой было тошно тайну хранить: невысказанные слова нутро огнём жгли.

– Не благодари меня, Даринка. Не заслужила я. Ведь это я Кошечья в Дивнозёрье привела, ветрам на судьбу пожалилась и вот сдуру накликала беду. Не того хотела, клянусь! Но вышло как вышло. Прости меня, если сможешь.

Даринка промолчала, ни словечка не сказала. А вот Златка глянула на Василису так, будто бы вмиг всё поняла. Да, к счастью, тоже ругать не стала. Только вздохнула:

– Дура ты, Васька. Ну да слезами горю не помочь. Бабушка Ведана, на тебя одна надежда. Как нам с Кошечьим проклятым сладить, чтобы дорогих сестёр ему не отдать?

– А никак, – старуха вытерла мокрые руки о передник. – Знала бы, давно бы извела его, супостата треклятого. Мамку он мою уволок, когда я ещё малой козавкою была, и с тех пор её никто не видывал. Эх, выведать бы, где его смерть запрятана...

– Я непременно узнаю! – пообещала Василиса, приложив руку к груди, где часто-часто билось глупое сердце. – Только как тебе весточку потом подать-то, а?

– Птички божии везде летают – и в Яви, и в Диви, и даже в Нави. Договоришься с какой-нибудь пичужкой, пусть записочку передаст, – беззубо прошамкала ведьма и, вздохнув, добавила: – А ты, значит, твёрдо решила идти за Кошечья? Не будешь пытаться сбежать да под кустом спрятаться?

– Не-а, – Василиса мотнула головой так, что непривычно тяжёлые косы хлестнули её по спине. – Сама же сказала: я кашу заварила. Стало быть, мне и расхлёбывать. Прошу тебя, только Даринку спрячь. Хоть в мышку её преврати, хоть в зайчишку.

– В зайчишку не могу. Хотя, вообще-то, есть одно зелье... – задумчиво протянула бабка Ведана, глядя в прокопченный потолок. В свете сальных свечей её морщины казались ещё глубже и исчерчивали щёки, словно русла пересохших рек. – Да только всё одно оно не поможет. Разве что кто-то согласится замест Даринушки к Кошечью пойти, ею прикинувшись. Тогда личину я сделаю. Но дело это опасное: коли почует навий супостат обман, непременно озлится. Может, сразу прибьёт, а может, долго мучить будет. Говорят, собаки у него цепные злющие, а подвалы каменные – тёмные и глубокие. Много людей там ни за что ни про что сгинуло.

– Ой, мамочки, тогда мне конец, – Даринка втянула голову и обхватила себя руками за плечи. – Да кто ж на такое пойдёт-то по своей волюшке?

– Я пойду, – Марьяна решительно стянула с головы платок, обнажив русые косы.

Все взгляды обратились к ней, и смелая работница гордо вскинула подбородок:

– Что вы на меня так смотрите-то, будто ушам не верите? Даринушке ещё жить и жить, счастье своё с любимым строить. А мой любимый давно в могилке лежит и сердце моё унёс с собой в сыру землю. Но ежели я могу ещё людям пригодиться да добро сделать – я готова. Такова моя благодарность за то, что приютили погорелицу, работу дали, не обижали никогда и в семью приняли, как родную. Так что не отговаривайте – всё решено.

Даринка, зарывав, бросилась Марьяне на грудь, и та обняла её обеими руками. Суровый голос работницы вмиг потеплел:

– Ну-ну, не реви, дурёха малая. Всю рубаху мне слезами умочила. Чай не на погост провожаешь, а на развесёлую свадьбу. Те, кто говорил, мол, Марьянка никогда замуж не выйдет, – пусть шапки свои слопают да локти искусают. Ещё как выйду! За самого князя – не за калику перехожего.

Хотела Василиса сказать, что уж лучше бы на погост, чем к Кощею в жёны, но смолчала. Только во рту от вины, словно от крови, стало солоно. Теперь ещё и Марьянина жертва оказалась на её совести...

Бабка Ведана хрустнула костяшками, разминая руки:

– Что ж, быть посему. От каждой из вас мне понадобится прядь волос. Сделаю две куколки. Пока они целы будут, личина не спадёт. Так что берегите их как зеницу ока. Ясно?

Марьяна с Даринкой закивали, а Златка, вскочив, засучила рукава:

– Может, помочь тебе чем, бабушка?

– А помоги, – согласилась ведьма. – Тёмная ночь на дворе, а я к старости слаба глазами сделалась. Будешь мне иголку в нитку вдвигать да бусины подбирать. Ученицы-то у меня нет боле!

– Как это нет! – возмутилась Василиса. – Вот же я! Жива-здоровая!

– Ты – Кошечья невеста, – сказала бабка, как отрезала. – Будто не знаешь, что сговорённая девка ни тому, ни этому миру не принадлежит. Неча тебе колдовать, отколдовала уже своё.

Если бы не мурчащий и яростно трущийся о её руку Пушок, тут Василиса уж точно заревела бы навзрыд. Вот оно, настоящее горе-то! Даже Кощею условия ставить не так страшно было, как лишиться ведьминской силы и бабкиного благословения. Уж этого – она надеялась – у неё никто не отнимет. У Златки всегда был ум, у Даринки – пригожая мордашка, ясные глаза и косы в руку толщиной, а у Василисы что? Только колдовские травки да заговоры. А теперь и того не осталось... Красота желанная появилась, да только счастья не принесла. Ванюшка её такой даже не увидит, всё проспиг. А ежели и увидел бы, ничего бы не поменялось, потому что не за длину кос он Даринку полюбил и не за щёки румяные. Любят вообще не за что-то – просто сердце разрешения не спрашивает...

Пока Василиса куксилась да сокрушалась, бабка со Златкой быстренько с куколками управились: скрутили тело и голову из тряпок, намотали лоскутков на руки и ноги, каждой прядь волос внутрь положили, лица вышили улыбающиеся, хитрые, платья бусинами разукрасили, из ниток косы заплели – красиво получилось, богато. Бабка Ведана окропила кукол водичей заговорённой, пошептала что-то, а потом увела Даринку с Марьяной к себе в комнату. Мол, не для чужих взглядов эти чары.

Они вернулись в горницу, когда небо за окном уже начало потихоньку светлеть. На первый взгляд ничего не изменилось. Только теперь Марьяна улыбалась застенчиво и смотрела исподлобья (сестру за этот взгляд в детстве дразнили «козочкой»), а вот Даринка стояла, уперев руки в бока и гордо вскинув голову. Ну чисто Марьянина статья. Как хорошо, что Кощей их обеих раньше не знал, поэтому обмана не заподозрит. С чего бы ему?

– Я теперь всегда так буду выглядеть? – Даринка в чужом облике со вздохом глянула на свои руки – все в мозолях и цыпках от домашней работы.

– Только пока Кощей не уйдёт, – бабка Ведана потрепала её по русой макушке, поправила выбившийся локон у виска. – А потом придёшь ко мне, я волосы Марьянины из твоей куклы достану, и прежний облик вернётся.

Она повернулась к Марьяне и погрозила ей пальцем:

– А ты, смотри, не доставай заклад.

– Да я уж себе не враг, – молвила Марьяна певучим Даринкиным голосом. – И с первого раза всё поняла.

Она подошла к Василисе, взяла её за руку и сжала ладонь крепко-крепко:

– Ну что, сестрёнка, давай надерём этому Кошею его тощую задницу! Узнаем, где его смерть запрятана, уморим чёрта бессмертного и вернёмся домой героями. А то – пф! – богатырей всем подавай! И без них справимся, верно?

И Василиса улыбнулась – впервые за этот ужасный день. В её сердце малой искоркой разгоралась новая надежда. Эх, вот бы Марьянины слова да богу в уши!

Глава шестая. Вот она какая, земля Кошечья

Василиса держалась стойко – пока не села в Кошечью повозку – чёрную, лакированную, на этот раз никем не запряжённую. В этот миг она вдруг почувствовала, будто бы её в гроб кладут, и сердце зашлось от горечи. Вон даже родичи собрались. Стоят с хмурыми лицами, топчутся на месте, вздыхают горько и даже обнять на прощанье не подходят – словно они с Марьяной чумные какие-то. В общем, как ни крути, а на похороны это было похоже больше, чем на свадьбу. Не зря же старики говорят – умирает сосватанная девица для своего рода, не вернётся больше в отчий дом. А им с родными теперь даже по праздничкам не свидеться боле...

– Как же мы поедem без лошадушек-то? – ахнула Марьяна. – Куда ж они подевались?

– А Кошечей их попастись отпустил. По полям Дивнозёрья побегать, озимые потоптать, – Мокша, ухмыльнувшись, захлопнул за девицами дверцу, вспрыгнул на козлы, и карета в свете молний взмыла в едва занявшееся алой зарёй небо.

Душа от неожиданности ухнула в пятки. Деревенские домики внизу стали маленькими, будто игрушечными, под колёсами повозки поплыли подкрашенные рассветом розовато-золотистые облака... И в этот миг Василиса беззвучно разрыдалась. Её плечи затряслись, как в лихорадке, на искусанных губах появился солоноватый привкус.

Кошечей, сидевший напротив, взирал на неё с неодобрением: словно ждал этих слёз и вид их был ему неприятен.

Марьяна ободряюще накрыла Василисину руку своей и шепнула:

– Не кручинься, сестрица. Смотри – мы с тобой летим, как пташки весенние! Когда бы ещё такое чудо могло случиться?

Но Василиса по глазам видела, что подруге и самой сейчас несладко. А Кошечей ещё и подлил масла в огонь:

– Вы обе радоваться должны. Чай не в острог вас везут, а в княжий замок. Станете как сыр в масле кататься, в шелка рядиться, яства заморские кушать и горя не знать, коли послушными будете. А с непокорными – смотрите – у меня разговор короткий.

И Василиса поспешно вытерла слёзы рукавом. Не потому, что жених велел, а из гордости – в конце концов, она сама выбрала свою судьбу, знала, на что идёт, чего уж теперь рыдать-горевать? Коль будешь у Кошечей на хорошем счету, проще будет подольститься и узнать, где его смерть запрятана...

– Грустно мне с родными расставаться, княже, – она через силу улыбнулась. – Батюшку родного когда теперь увижу? И сестрицу Злату. И бабушку.

Про Ванюшку она благоразумно промолчала, хотя скучала по нему так, что внутри всё переворачивалось от горя. Пусть не её суженый, а Даринкин, но Василисе хватило бы и хоть изредка его видеть, хоть малым словечком перекинуться.

Только Кошечей даже эти слова не по нраву пришлись:

– Ты почти что мужняя жена. Нынче я для тебя и батюшка, и бабушка, и свет в окошке. Забудь прошлую жизнь, Василиса. А не забудешь, так я заставлю. На этот счёт особые заклиния есть.

– Не надо заклятий, княже, – взмолилась Василиса. – Я уже обо всем забыла, клянусь!

Теперь ей стало действительно страшно. Расставаться с друзьями и близкими, проститься с ведьминской стезёй, пойти замуж за нелюбимого было худо, но себя потерять, души и памяти лишиться – ещё хуже.

– А ты, Даринушка? – Кошечей глянул на Марьяну, и та заулыбалась за двоих.

– Да мы с сестрой вовсе не грустим, Кошечюшка. Просто бабы глупые – ты разве не знаешь? Вечно смеются, когда надо плакать, а рыдают токмо от счастья.

Кошей нахмурился, сверля её взглядом тёмных угольных глаз, и вдруг рассмеялся:

– Ну коли так, то плачьте, позволяю! Василиса, что же сразу не сказала, что это слёзы радости?

– Да вот побоялась, что дурочкой меня считать будешь.

Снисходительная улыбка Кошей стала ещё шире. Трудно было представить себе человека, которому бы так сильно не шла улыбка. От этого тонкие черты его лица ещё больше заострились, становились пугающе-хищными. А в угольные глаза будущего мужа Василиса и вовсе старалась смотреть: стоило даже исподтишка глянуть, как её пробирала дрожь. Поэтому она отвернулась и уставилась в окошко.

Внизу простирался глухой бескрайний лес – такой, что ни пешему не пройти, ни конному не проехать, ни даже зверю прошмыгнуть: сплошные болота да бурелом, и никакого пути, кроме как по воздуху. Бабки говорили, что этот лес зовётся мёртвым. Зайдёшь в него – и поминай как звали. Потому что не простой он, а волшебный: на границе миров находится. Растёт-шумит одновременно в Яви, Диви и Нави, а корнями аж до самого Сонного царства тянется...

Когда над верхушками мрачных елей показалось солнце, навий князь щёлкнул пальцами, и небо вмиг затянули серые тучи, пошёл дождь, похожий на осенний. Казалось, сама природа оплакивала участь двух девиц, оказавшихся в Кошечьей власти, – не первых и наверняка не последних его жертв. Да, сбежать из этих земель будет непросто...

В воздухе вдруг резко пахнуло горьким дымом, и Кошей, поймав встревоженный взгляд Василисы, охотно пояснил:

– Не бойся, красна девица, не пожар это, а всего лишь Огнь-река, что в моих угодьях протекает, – граница Нави. Скоро будем пролетать над ней. Нет через неё ни брода, ни мостов – каменные и те сгорают. Да что там, даже птицыдохнут на лету – такой уж сильный жар. Решишься сбежать – тоже пеплом станешь. Только я тебя раньше споймаю. Рассказать тебе, как у нас наказывают беглецов?

Василиса приложила обе ладони к груди, чтобы унять зачастившее сердце. Он что, мысли читает? Она ведь и впрямь о побеге думала.

– Не желаю ничего слышать, – она повела плечом. – Ибо это знание мне без надобности. Забыл, что ли, княже? Я сама к тебе в жёны напросилась. А ты княгиней меня сделать обещал.

– Обещать-то обещал, – кивнул Кошей, играя перстнями на костлявой руке. – Да вот только есть одно условие...

– Что ещё за условие?

– Которая из жён мне наследника родит, ту я княгиней и сделаю. Дочерей-то у меня тьматмуцая – я на втором десятке и считать сбился, – а вот сыночка-кровиночки ни одного нет. Так что всё в твоих руках, Василисушка. Коль сестра твоя первой успеет парнишку принести, значит, ей княгиней быть. Другим моим супругам то же самое обещано. Они изо всех сил стараются. Вон старшая жена – Алатана – нынче как раз на сносях. Может статься, обскачет она тебя, коль судьбе будет угодно.

– И сколько же у тебя всего жён, Кошеюшка? – Марьяна нервно потеребила кончик косы.

А Василиса аж дыхание затаила, боясь не расслышать слов за громким треском пламени в Огнь-реке. На её лице выступил пот – нестерпимый жар проникал даже внутрь повозки, в воздух то и дело взмывали жгучие искры. По её разумению, чем больше жён было у Кошей – тем лучше. Хотя бы нечасто в гости заходить будет. Но навий князь разочаровал её своим ответом:

– С вами как раз пять станет. А все прочие – бывшие – в остроге сидят на хлебе и воде, – он облизнул тонкие губы и многозначительно хмыкнул. Мол, смотрите у меня, девки, не перечьте. Запугивает, значит.

Пока Василиса обмахивалась платком, навий князь обвёл тяжелым взглядом притихших невест и вкрадчивым шёпотом добавил:

– Кстати, вы животных любите? А то у меня питомцев много, и мучить их не след. Узнаю – не пощажу.

Василиса с Марьяной, конечно, заверили, что обижать никого не будут. А про себя подумали: может, не такой уж и гад этот Кощей, коли за тварей божьих так радеет? Но мысль эта жила в их светлых головушках ровно до той поры, пока они этих тварей в чёрном замке воочию не увидели.

Сам замок, признаться, тоже девиц не обрадовал. Он торчал, словно осколок гнилого зуба, посреди высокой каменной насыпи, окружённый глубоким рвом. Всюду, куда хватало взгляда, простирались бескрайние снежные просторы, и если прежде Василиса с Марьяной не знали, куда деваться от жара Огнь-реки, то теперь у них зуб на зуб не попадал от холода. И только Кощей было хоть бы хны!

Снаружи уже смеркалось, тоскливо завывал ветер, оконца покрылись ледяными узорами, изо рта с каждым выдохом вырывался пар, и девушки жались друг к другу, словно птички на ветке в морозный день.

– Вот потому-то из беглецов никто не доходил до реки, – задумчиво пояснил Кощей, указав рукой куда-то вниз. – Замерзли раньше. Зато в замке хорошо, тепло. Впрочем, скоро вы сами всё увидите.

Василиса вздохнула: так вот ты какая, Навь, земля Кошечья: опасная, неприветливая, злая. А им здесь предстояло жить – возможно, до конца своих дней.

Повозка вдруг начала снижаться так резко, что аж уши заложило. Они миновали внешнюю зубчатую стену, облетели кругом одну из семи высоких башен, иглами проехавших небесную синь, и приземлились прямо на широкую огороженную площадку внутренней стены.

– Добро пожаловать в Волколачий Клык, – Кощей распустил завязки на бархатном мешочке, висевшем у пояса, и вручил каждой невесте по маленькой обитой алым сафьяном коробочке с тиснёной двуглавой змейкой.

– Что это? – Василиса сжала подарок в кулаке, не решаясь открыть его.

– Волшебные перстни, конечно. Венчальные. С ними я всегда буду знать, где находятся мои жёнушки-красавицы. И вдобавок вас не сожрут мои питомцы. А то они у меня порой любят отведать человечинки.

Он вдруг громко свистнул – аж в ушах зазвенело. Василиса от неожиданности вскрикнула, а в ответ на зов Кошея вдалеке раздался хриплый собачий хор. Лаяли больше десятка псов одновременно.

– Ну, увидимся на свадебном пиру, – навий князь вышел из повозки и шумно втянул ноздрями воздух (здесь, на стене, пахло факельным маслом, мокрой соломой и пёсым духом). – До тех пор же не смейте меня тревожить. Мары отведут вас на женскую половину.

– Мары? – ахнула Марьяна. – Это те, что насылают кошмарные сны?

– Они самые, – навий князь не обернулся, но по тону чувствовалось: он больше не улыбался. Наоборот, даже нотки раздражения появились в голосе.

– А как же...

– Помолчи! – скомандовал звонкий женский голос с другой стороны повозки. – Навий князь ясно велел: не тревожить!

Обе невесты обернулись на окрик (Марьяна от неожиданности ещё и втянула голову в плечи), но никого не увидели. Пока они в недоумении оглядывались, Кощей уже и след простыл.

Мокша, кряхтя, слез с козел и протянул Василисе свою перепончатую жабы лапищу, чтобы помочь выбраться. Но та, фыркнув, вышла сама, подобрав повыше юбки. Марьяна последовала её примеру.

– Вы, девоньки, зла на меня не держите, – обиженно проквашал болотник. – Не по своей воле я в услужение к Кошке попал, а по глупости большой. Теперь вот маюсь. Хотел бы вернуться в родное болото, а не девок красть, да только выбора у меня нет.

– Выбор есть всегда! – сурово отрезала Марьяна, упревая руки в бока.

Василиса знала: уж если их работница становится в такую позу, ни за что её не переспоришь! Но Мокше, конечно, об этом было знать неоткуда.

– Борзая ты больно, Даринка, – он угрожающе раздул жабры. – Посмотрим, как ты через денёк-другой запоёшь, когда увидишь, каков князь Кошей на самом деле.

– Да что ж это такое: то один запугивает, то другой. Я, между прочим, не из боязливых!

Марьяна хотела добавить что-то ещё, но слова вдруг застряли у неё в горле, а глаза остекленели. Василиса проследила за её взглядом и обомлела: прямо к ним несся огромный пёс. Да какой! Громадный! Одни клыки размером с ладонь, из пасти вязкая слюна капает, шерсть чёрно-серая, будто пеплом присыпанная, а зенки огненные злобой так и пышут. Такой зверь походя порвёт в клочки и дальше побежит...

Мокша, сплетя лапы на груди, с кривой ухмылочкой наблюдал за напуганными девицами. Но Марьяна не позволила ему долго наслаждаться своей беспомощностью: встрепенулась, открыла коробочку, Кошечем подаренную, и надела кольцо на безымянный палец. Ещё и Василису в бок локтем пихнула: мол, чего стоишь, действуй!

Она, спохватившись, тоже напялила перстень: тот ей как раз впору пришёлся, будто по заказу сделанный. Обхватил палец крепко-крепко – и захочешь, а просто так не снимешь, – и жёлтым янтарьком, словно огонёчком, подмигнул.

Пёс вмиг потерял к ним интерес, развернулся и потрусил себе дальше по гребню стены, ловко перепрыгивая через зубчатые зазоры. Так вот какие они, значит, Кошечьи питомцы...

– Сообразительные вы девки, – в квакании Мокши слышалось больше досады, чем одобрения. – А коли так, уясните себе раз и навсегда: тут свои правила. Забудьте всё, чему вас учили: добру там, справедливости, взаимопомощи... Тьфу! Всё это глупости. Тут, в Навьих землях, каждый сам за себя. Ясно?

– Вообще-то он прав, – раздался тот же голос, который совсем недавно велел Марьяне замолчать. И на глазах у изумлённых невест прямо из воздуха соткался тонкий девичий силуэт. – Этот болотник частенько чепуху мелет, но бывает так, что и дело говорит.

Мокша от возмущения ещё больше выкатил глаза и запыхтел, не в силах быстро подобрать достойный ответ на такое вопиющее оскорбление.

Первое, что бросилось в глаза Василисе, – незнакомка была одета в мужское платье. По навьей моде, конечно: свободные шаровары, подвязанные серебряными шнурами у колен, рубаха с широким рукавом и намотанный вокруг горла струящийся шарф – всё из чистого шёлка. На плечи был накинут длиннополый жилет, отороченный по вороту мехом: чёрным, как и всё прочее одеяние. На поясе, украшенном серебряными бляшками с чеканными двухголыми змеями, висел изогнутый клинок: не меч, не кинжал, а что-то между. Короткие – всего-то до плеч – волосы девицы напоминали вороново крыло: такие же ухоженные и блестящие, с отливом в синь. Слегка раскосые глаза казались похожими на спелые вишни – нет, не карие, а тёмно-бордовые: такими только самые спелые ягоды бывают. Кожа была чистой, смуглой, лицо – скуластым, но красивым: впору было бы залюбоваться, если бы не острые и тонкие, как иглы, зубы. Они портили всё впечатление, и Василиса едва нашла в себе силы не попятиться.

– Чего пялишься? – девица облизнула губы длинным раздвоенным языком. – Мару никогда не видела?

– Не-а...

– Твоё счастье. Впрочем, насмотришься ещё. Нас тут много у Кошечья в услужении. А пока пойдём, покажу ваши покои, – хохотнула девица.

Мокша наконец-то закончил пытьеть (видимо, слова нашлись) и вскакнул:

– Эй, позвольте...

– Не позволю, – отрезала красавица-мара. – Шевели лапами отсюда, щучья душа, пока я тебе все плавники не повиыдергала и в глотку не запихнула.

Болотник снова запыхтел, как самовар, и бочком-бочком отошёл за повозку, буркнув:

– Ух, Маржана! Я тебе ещё покажу! Просто щас занят – дела у меня.

– Терпеть его не могу, – фыркнула мара, когда они отошли на добрый десяток шагов и начали спускаться вниз по скользкой мраморной лестнице. – Кичится, строит из себя большую рыбу, а сам в лучшем случае карась. Ещё и грабли свои распускает, служанок щиплет. А те жаловаться боятся.

– А ты тут кто? Начальница стражи? – Марьяна всё пыталась поравняться с марой, но та, как ни старайся, всё равно оказывалась на полшага впереди, при этом ещё и ступала бесшумно, как кошка. В её движениях читались ловкость и воинская стать.

– Не, стража тут отдельная есть, – отмахнулась мара. – Остолопы, каких мало. А мы – мара – личная свита князя. Его охрана, его руки, его клинки.

– И его уши? – не удержалась Василиса.

Опомнившись, она прикусила язык, но странная девица ничуть не рассердилась.

– Не угадала. Наушничать тут и без нас желающих полно. Змеек ещё не видела, нет? Ах да, пока только собачку встретила. В общем, готовься: гадов чешуйчатых в замке уйма. Так и кишат под ногами. А наступишь хоть на одну – не сносить тебе головы. Кошей их сам молоком поит, имена даёт, каждую гадину в лицо и в хвост знает.

– Бр-р-р, не люблю змей, – Василиса поёжилась, по спине пробежал липкий холодок. – Гадкие они.

– Этого лучше не говорить. Ус-с-слышат. Донес-с-сут, – мара высунула язык, передразнивая змеиные повадки. – Псы у нас тупые и злые. Сожрать могут, это да. Но у тебя невестин оберег есть, – она кивнула на кольцо, – так что можешь не бояться. А вот чешуйчатых опасайся. Подлые оне.

– Маржана – это твоё имя? – Марьяна, пытаясь поспеть за марой, немного запыхалась. – Красивое, только не наше какое-то...

– Конечно, «не ваше», – фыркнула девица. – Я и сама, как видишь, не из «ваших». А тебе-то какая разница, как меня зовут? Ты меня от моих сестриц-близняшек всё равно не отличишь. Нас даже Кошей не всегда различает, а у него-то глаз острый, взгляд цепкий.

– И сколько же у тебя сестёр? – Василиса рассчитывала услышать «две» или, может, «три», но ответ её огорошил.

Маржана на мгновение замедлила шаг, будто бы подсчитывая в уме, и выдала:

– Две дюжины, – и тут же прикрикнула: – Эй, ну чего встали? Шевелите лапами, гусыни! У меня ещё дел по горло. Да и вам самим найдётся, чем заняться.

– А когда будет свадебный пир? – Марьяну уже было не унять: хоть кричи на неё, хоть ногами топай. Молчать она сроду не умела.

– Когда князь скажет, тогда и будет. Может, прямо сегодня объявит. А может, через месяц-другой о вас вспомнит. Он у нас такой, непредсказуемый.

– А это правда, что Кошей сажает непокорных жён в острог? А скольких уже пересажал? А почему у него рождаются только дочери? Это что, случайность или проклятие такое? – вопросы сыпались из Марьяны, словно горох из мешка.

В конце концов мара остановилась и отвесила ей подзатыльник.

– Хватит. Я тебе не ворона-вещунья. Вот подарит тебе князь такую птицу – её и будешь доставать. Воронам-то поболтать только в радость. А моё дело маленькое: велено сопровождать – вот, сопровождаю.

Из внутреннего двора они свернули на галерею с колоннами, сделанными из тёмного обсидиана, прошли под аркой, сплошь увитой луноцветом, и оказались в круглой зале с моза-

ичными стенами. Узоры, выложенные красной смальтой на фоне серых каменных стен, были явно непростыми: у Василисы при одном взгляде на них разболелась голова.

Из залы в пять сторон вели зеркальные отполированные до блеска двери, но все они были закрыты. Посреди – в круглой каменной чаше, полной спелых яблок, – кишмя кишели змеи всех цветов. Василиса таких отродясь не видывала: в Дивнозёрье-то лишь ужики да гадюки водились, и только.

– Ну, вот мы и пришли, – Маржана посторонилась, пропуская девиц вперёд (те, впрочем, входить пока не спешили, мялись на пороге). – Это женская половина. За зеркальными дверями – комнаты Кошечьих жён. Две пустующие теперь ваши. Служанок здесь предостаточно: не все живые, правда. В основном злыдницы да упырицы, ну и парочка призраков-музыкантов имеется. Разговоры по душам с ними лучше не вести – чувств у них нет. С тем же успехом можно стенке или ковру на судьбу жалиться. Зато приказы выполняют верно: позовёшь – появятся, прогонишь – исчезнут. Одеться, причесаться, наругаться – всё помогут... А мне пора, бывайте. И помните: тут у нас каждый сам за себя.

Мара попрощалась коротким кивком и собиралась было уйти восвояси, но, проходя мимо Марьяны, отчего-то замедлила шаг и, понизив голос до шёпота, добавила:

– А князя-то нашего, похоже, и впрямь кто-то проклял. Ну не родятся у него сыновья, хоть ты тресни.

Глава седьмая. Жёны Кощея и Невестина башня

«Бам!» – по зале разнёсся гулкий грохот, и Василиса вздрогнула от неожиданности. Она не сразу поняла, что произошло, а это за их спинами захлопнулась чёрная резная решётка с изображением всё тех же вездесущих змей – у этих в глазах ещё были маленькие рубинчики, отчего казалось, что двухголовая тварь следит за девицами каменным взглядом. Кто знает, может, и впрямь следила...

– М-да, кажется, отсюда так просто не выйдешь, – задумчиво протянула Марьяна, трянув решётку обеими руками.

Металл звонко лязгнул, и змеища ожила: взвилась, зашипела и клацнула зубами – чуть было руку не оттапала. Хорошо, что Марьяна ловкая была, вовремя увернулась.

– Да чтоб этого Кощея черти взяли! – выдохнула она в сердцах. – Тут всё какое-то заколдованное!

И тут за их спинами раздался короткий смешок:

– Пф, а вы как думали? Дык это ж Навье царство!

Василиса оглянулась: три из пяти зеркальных дверей были открыты, и на сражение Марьяны с решёткой снисходительно взирали три молодые женщины. Все красавицы, как на подбор (ну конечно, Кощей на дурнушке жениться не будет), но при этом очень разные. Та, что хихикала, была невысокой, с округлыми плечами, пухлыми щёчками и рыжей, как огонёк. Рядом с ней стояла, прислонившись к колонне, черноволосая луноликая красавица с тонкими запястьями с пронзительным лисьим взглядом. В её тёмных глазах читалось сочувствие. Судя по тому, как натянулось бело-серебряное платье на её округлившемся животе, это была Алатана, старшая жена Кощея. Третья – статная и широкоплечая, с пышными льняными кудрями – смотрела на новеньких, неодобрительно поджав губы: того и гляди, отчитает за шум и неподобающее поведение. Наряды девиц поражали воображение. Такой роскоши Василиса прежде не видела: сплошные шёлк и парча, расшитые камнями, на которых играл свет. Шаровары, платье и верхняя накидка у рыженькой переливались всеми оттенками полевых трав – от желтизны до глубокой изумрудной зелени. Высокая, похожая на воительницу, женщина предпочитала небесные оттенки от мартовского неба до свинцовых грозовых туч.

Марьяна тоже загляделась, но опомнилась первой: даже поклонилась низко этой троице, признавая их старшинство и главенство.

– Здрaвы будьте! Я – Дарина, а это моя сестра Василиса.

– Добро пожаловать, – Алатана кивнула в ответ. Прядка волос у её виска качнулась, и Василиса ахнула, увидев острые уши.

– Ты что, не человек?

Старшая из жён шагнула ближе, и Василису обдало запахом горьковатых незнакомых трав. На духи это было не похоже – скорее на благовония. Впрочем, неудивительно: бабы на сносях часто окуривают себя от всякого сглаза.

– Не смертная, если ты об этом. Я из навьего народа. Отрада Гордеевна у нас из дивных людей, – Алатана указала на кудрявую подругу в голубом платье. – А вот Анисья – ваша соплеменница.

Рыжая откинула волосы назад и растопырила руками уши, будто от неё кто-то требовал подтвердить происхождение.

– Дык можете звать меня Анися. Ой, девочки, мы так рады знакомству!

– За себя говори, – перебила её та, кого называли Отрадой Гордеевной, – вот я, например, не вижу поводов для радости.

Голос у неё был грудной, низкий. Таким командовать хорошо, а для девичьих песен да нежных слов, пожалуй, грубоват будет.

Змеи в чаше завоились, зашипели, но Отрада Гордеевна отмахнулась:

– Знаю-знаю, Кощей велел всем поприветствовать новых невест. Вот я и приветствую – здравствуйте. Но дружбу водить с кем попало меня даже Кощей не заставит. Так что не лезьте ко мне почём зря, ясно? – развернувшись на носках мягких замшевых сапожек, она, чеканя шаг, зашагала в свою комнату.

– Не обращайтесь внимания, – вздохнула Алатана, крутя кольцо на безымянном пальце – такое же, как у всех Кошечьих жён. – Она у нас заносчивая, ни с кем знаться не хочет.

А Анисья шёпотом добавила:

– Она ж, дык, того – в прошлом воительницей была. Пришла вызвать Кощея на честный бой, сразилась с ним, да проиграла. Так вот и попала сюда. Её – представляете – Кощей уважает даже, по имени-отчеству величает. А вообще-то она царю дивьему родня. Ясное дело, мы ей не чета. Её там чуть ли не наследнику в невесты прочили. Я, правда, не очень поняла, как это... сын-то царский совсем ещё малолетка.

– Вы, смертные, многого не понимаете, – фыркнула Алатана, оправляя натянутую юбку на животе.

– Дык ну правда же! Такая разница в возрасте. Он ещё под стол пешком ходит, а Гордеевна наша вон как краля!

– Мал – не беда. Вырастет. Что такое годы для тех, кто не стареет и не умирает от старости? Впрочем, хватит пустых разговоров. Не стать теперь Отраде царевной, другой у неё муж. – Алатана скорбно поджала губы и добавила: – У всех нас.

– Так ты не любишь Кощея? – Марьяна снова начала задавать свои неудобные вопросы. Василиса хотела на неё шикнуть – ну кто же такое спрашивает? Особенно когда змейки-кошечки рядом так и колготятся?

Но Алатана звонко рассмеялась:

– Скажешь тоже! Да кто ж его любит, чёрта бессмертного? Впрочем, мы и не должны.

– Э-э-э... в смысле? А как же «быть вместе в горе и в радости, любить и почитать друг друга»? – озадачилась Марьяна, потеряв переносицу.

Старшая из жён снова усмехнулась, но на этот раз совсем невесело:

– В нашем случае скорее уж: «стерпится – слюбится».

А Анисья, утерев нос парчовым рукавом (манеры у неё, конечно, были так себе), добавила:

– От нашей любви Кощей ни холодно, ни жарко, потому что сам он никого полюбить не может – не ведает его сердце таких чувств. Каменное оно. Ему важно, чтобы мы боялись, уважали и почитали. Тем и занимаемся. Да тише вы! – она прикрикнула на разволновавшихся змеек. – Сами любите своего хозяина ненаглядного. А коль нашипите ему в уши, о чём мы тут болтаем, – невелика беда. А то он не знает!

– Что же мы тут стоим? – вдруг спохватилась Алатана. – Пойдёмте покои ваши покажу. Вы же, небось, устали с дороги.

Она отклеилась от стены, и Анисья тут же предложила ей опереться на руку.

– Тяжела я стала, – извиняющимся голосом пробормотала старшая жена.

– Ничего-ничего, – подруга погладила её по тыльной стороне ладони. – Скоро родишь – и будешь, как прежде, горной козочкой скакать. Совсем немножко дотерпеть осталось.

– Вот бы сын родился, – вздохнула Алатана. – Тогда бы Кощей от нас отстал и больше не стал бы девиц похищать.

– Дык куда там! – Анисья фыркнула. – Как таскал, так и будет таскать. Нешто ты его не знаешь? Все блага мира ему подавай, всё золото, все колдовские книги, всех красавиц. Ух, и жадина!

– Книжки? – Василиса оживилась. – А тут что, есть библиотека?

– Громадная, – кивнула Алатана, осторожно шагая по мраморному полу. – Там всё чары да заклятия разные. А ты никак читать умеешь?

– Умею, конечно, – Василиса гордо вскинула голову.

Анисья восхищённо ахнула, а вот Алатану это признание совсем не впечатлило. Прищурившись, она елеинным голосом спросила:

– Что, и даже на навьем?

Тут уж Василисе пришлось повесить нос. Чужих языков она не знала – особенно волшебных.

Девушки вошли в одну из комнат за зеркальными дверями. Та выглядела... жилой. Будто бы прежняя хозяйка совсем недавно вышла и вот-вот вернётся. Нет, вы не подумайте, всё было вычищено до блеска: ни пылинки, ни соринки – слуги постарались. Но в воздухе витал стойкий запах сладких цветочных духов, перебивший даже травяные благовония Алатаны.

– Разувайтесь, – скомандовала та, и Василиса, поспешно скинув черевички, ступила на пушистый ковёр. Ух и тёплый! Будто солнышком нагретый.

Прямо по центру комнаты стоял низкий столик с блюдом... похоже, что фруктов. Но, кроме яблок, Василиса ничего не узнала. Незнакомые красные и оранжевые плоды выглядели весьма маняще. Как их есть-то? В маленьких плошках лежали орешки, сухофрукты и... что-то ещё.

– Это щербет, – пояснила Анисья, проследив за её взглядом. – Лукум, козинаки, халва. Попробуй, тебе понравится.

Но, несмотря на то что у Василисы во рту с самого утра и маковой росинки не было, она не спешила набрасываться на угощение. Вот Марьяна – та цапнула засахаренный орешек и расплылась в улыбке:

– Ух и вкуснотища!

Из-за бархатных портьер в комнате царил приятный полумрак. По полу были разбросаны вышитые маками подушки. Ну, спасибо, что не гадами ползучими! (Впрочем, на одной из подушек свернулась маленькая змейка-кошечка: спала, а может, притворялась.) Стены комнаты тоже были обиты бархатом, отчего все голоса звучали глухо и даже звуков шагов было не слышать. Что же, по крайней мере, можно будет болтать с Марьяной, не боясь, что кто-то пройдёт мимо и случайно услышит их разговор. Да и ночью тишина не повредит: небось, спится в таких покоях сладко.

– Там дальше ещё спальня, умывальня и целная комната с нарядами, – Анисья махнула рукой, указывая на дальние двери. – Можно хоть каждый день платья менять. Я, например, так и делаю.

– Мы здесь вдвоём будем жить? – Марьяна стащила ещё один орешек и задрала голову вверх, разглядывая медные светильники на стенах. Те, казалось, сияли сами собой – не коптели, не дымили, похоже, в них вообще не было живого огня.

– Нет, что ты, – брови Алатаны удивлённо взметнулись вверх. – У каждой Кошечьей жены свои собственные покои. Уж на что – на что, а на тесноту мы не жалуемся. Эти – Василисины. А твои я тебе покажу, коли подсобишь мне немного.

Она протянула руку, и Марьяна спешно подхватила её под локоток.

Когда они ушли, Анисья сладко потянулась, хрустнув плечами, опустилась на одну из подушек возле столика и потянула руки к щербету.

– Ежели ты есть не хочешь, я сама отведаю. Сласти тут у них отменные. В моей-то семье ничего такого отродясь не было. Бедно мы жили: каша, суп да компот. Летом – огород. Никаких тебе платьев, украшений, музыки. Это Алатана с Гордеевнкой у нас к роскоши привычные, а я вот каждой брошечке, каждому колечку радуюсь. А уж апельсины как люблю! Это вот те, которые оранжевые. Возьму один?

– Бери, конечно, – кивнула Василиса.

Ей подумалось, что Анисья с Марьяной в чем-то даже похожи. Не внешне, а нравом. Обе улыбчивые, непосредственные (иногда до невоспитанности, но чего уж там – у всех свои недостатки), обе те ещё сладкоежки. И, кажется, Анисья тоже любила посплетничать. Этим Василиса и решила воспользоваться.

– Скажи, а это чьё? – она взяла с туалетного столика резной черепаховый гребень (удивительной красоты, надо сказать, его так и хотелось пристроить в косы).

Там же рядышком стояла раскрытая шкатулка со шпильками (у каждой навершие из самоцветного камушка), жемчужными нитями для вплетения и ещё какими-то бусинами.

– Дык теперь твоё, – Анисья засучила рукава, высыпала орешки в плошку с янтарно-тягучим мёдом и, облизнувшись, запустила туда ложку. – Ты примерь, не стесняйся. А ежели самой сложно понять, что к чему пристроить, трижды хлопни в ладоши – тогда придёт служанка. Только мы их стараемся звать лишь в самом крайнем случае. Страшные оне. Мёртвые...

– Бр-р, – Василиса передёрнула плечами. – Правда что ли упырицы?

– Дык! И злыдницы. Не знаешь, кто хуже. Но ты не бойся – Кошей им строго-настрого запретил нас жрать. Сказал, мол, хоть один волосок упадёт с жонинных голов – всем шкуру наизнанку вывернет, – Анисья облизала палец. – Я знаешь как наострилась? Сперва попросила энтих меня приодеть-причесать, а сама примечала, как они это делают. Теперь в какой хошь наряд завернусь. Даже с энтим... со шлейфом, вот. Хочешь, тебя к свадьбе наряжу, как куколку?

– Да, я была бы очень признательна, – Василиса уселась рядом, взяла с блюда небольшое красное яблочко и надкусила. Ух, и сочное – аж по губам потекло.

– Кушай, кушай, – Анисья наворачивала мёд. – Вот ещё винограду попробуй. Кошей наш тощих не любит. Сам-то вон какой костлявый, как только душа держится? Ах да, у него же нет души!

Она рассмеялась, и Василиса тоже фыркнула в ответ – скорее из вежливости. Больше, чем шутки новой знакомой, её волновало зрелище за окном. Там высилась огромная башня – похожая на воронёные стрельчатые зубцы замковых башен, а всё же не совсем такая. Во-первых, камень её был не чёрный, а серый. Во-вторых, в башне было всего одно окошко – высоко-высоко, близко к остроконечной крыше (уже начало смеркаться, и в нём горел свет). А в-третьих, башня была окружена своей собственной стеной. Довольно высокой, между прочим.

– Что это за башня? – Василиса утёрла с подбородка яблочный сок.

И тут Анисья закашлялась. Пришлось постучать её по спине и помахать салфеткой, чтобы та отдышалась.

– Ой, ну ты спросишь! – зашептала она, придвигаясь ближе. – Дык тайна это. Но, ладно, тебе расскажу – её Невестиной башней называют. Догадываешься, почему?

Василиса покачала головой. Предчувствия её одолевали нехорошие, но она решила не мучиться, перебирая догадки, а позволить Анисье продолжить рассказ. Та, как оказалось, только того и ждала:

– Чую, тебе не понравится. Не должна я этого говорить, но как не предупредить хорошего человека. В эту башню Кошей непокорных девиц сажает – жён али невест, без разницы. Тех, которые ему чем-то не угодили, но ещё могут быть полезны, понимаешь? Уже не достойны наших палат, но ещё не созрели для подземных казематов. Только это всё одно что темница, потому что выйти из Невестиной башни ещё никому не удавалось.

Да, о чём-то примерно таком Василиса и думала. Аппетит у неё вмиг пропал, и она отложила недоеденное яблоко. Мысленно обругала себя: нельзя быть такой чувствительной! Знала же, что не на прогулку отправляется, а к Кошеей в лапы.

– И что, там сейчас кто-то живёт? Свет-то вон в окошке мерцает.

Анисья заговорила ещё тише, почти ткнувшись губами в Василисино ухо:

– Дык! Елица её зовут, а мы величали по-простому – Еля. Из дивных она, как и Отрада Гордеевна, только нравом помягше. Прежде она тут, в твоих покоях обитала. И гребень тот тоже её.

– И за что же Елицу в башню посадили?

Анисья, вздохнув, слизнула с губы прилипшую крошку щербета:

– Дыкть сбежать пыталась. Пришёл к ней Кошечка, опоила она его сонным зельюш-ком – ключик от решётки змеиной вытянула из кармана – и дёру. Перед этим подготовилась, конечно. Для собак лакомство припасла. Видала огнеспёсок-то? Вот она их год прикармливала через окно. Говорила, мол, любит зверей всяких, и Кошей этому не противился.

– А змеи как же? Их она тоже прикармливала?

– Не-а, – фыркнула Анисья. – Их же мышами кормят. Кто по своей воле мышку в руки-то возьмёт? Я вот ни в жисть бы! Да и на кой это нужно? Змеюки – не псы, след не возьмут, в погоню не пустятся... В общем, всё у Ельки на мази было. А за стенами, я слыхала, прежний жаних её ждал. Да не дождался – споймали бедняжечку.

– И как же её споймали, если всё, как ты говоришь, «на мази» было? – Василиса хоть не знала эту девушку, но сердце всё равно заняло. И Елицу было жалко, и жениха ейного. Сильно любил её, видать, коль в само Кошечье княжество за ней пошёл. Даже завидно было немного: вон Ванюшка за Даринкой, небось, тоже побежал бы. А за ними с Марьяной никто не придёт, эх...

– Дык когда через стену перелазила. Схватили её огнеспёски за подол, и всё. Она ж прикармливала только тех, что за внутренней стеной бегали, прямо в замке. Кто ж знал, что между внешней и внутренней стеной полно места и там другие огнеспёски бегают? – Анисья шмыгнула носом и обмакнула в мёд печенье. – Эй, ты не смотри, я обычно столько не жру. Просто нервничаю...

Но Василиса и не думала её осуждать. Вместо этого слушала и наматывала на ус – вдруг пригодится, когда самой придётся побег совершать? Однажды этот час настанет – в этом Василиса не сомневалась.

– И почему же Кошей её в башню посадил, а не в острог? Зачем ему Елица нужна?

– Затем же, зачем и все мы: наследника принести. Елька с дитятей во чреве на побег решила. Теперь вот на наших глазах судьба её решается: родит сына – выживет. А коли дочь на свет появится – обеих сгубит Кошей.

– Жуть... – только и смогла сказать Василиса.

– Дык, и не говори! – Анисья захрустела печеньем.

Можно было подумать, что бедственное положение Кошечьих жён её ничуть не заботило. Василиса поначалу чуть было не сочла новую знакомую бревном бесчувственным, но быстро поняла: только так здесь можно выжить и не сойти с ума.

– Выходит, у Кошечки шесть жён, а не пять?

– Да. Но о шестой – молчок! Не гневи князя расспросами и меня под немилость не подводи. Он и так считает, что я слишком много болтаю. А я разве много? Да я вообще молчу!

Василиса усмехнулась в кулак, но возражать не стала. В конце концов, разговорчивость Анисьи была ей даже на руку: надо же откуда-то узнавать, как тут всё заведено?

А та даже не думала униматься:

– Ну чо, будем сейчас тебя в наряды парчовые да шёлковые рядить али немного погода? Не терпится небось перед зеркалом покрутиться?

Василиса, погруженная в свои мысли, собралась ответить не сразу, а когда раскрыла рот, Анисья вдруг крепко цопнула её за руку:

– Ой, Васёна, гляжу, не рада ты нарядам да угощению. Вроде улыбаешься, а глаза грустные-грустные, аж душа заходится на тебя смотреть. Нешто был у тебя кто на сердце? Жаних али просто парень какой?

– Никого не было, – мотнула головой Василиса: ещё не хватало сплетнице сразу всё про себя выкладывать. Та вроде не злая и участливая была, но доверие ещё заслужить надобно. – Я, Анись, знахаркой хотела стать. У бабки одной училась. Мечтала людям помогать да зверей лечить – и домашних, и лесных. Но в одночасье сделались прахом мои мечты.

– Ой, ну почему сразу прахом-то? – Анисья поморщилась, словно кислую виноградину слопала. – Книг тут немеряно. А навий язык – тьфу, выучишь. Есть такое средство – узри-трава называется. Надо натереть глаза её соком, и всё, сможешь читать, что вздумается, ежели прежде умела, конечно. Я вот грамоте не обученная, так что выпросила у Кошечья глаголь-траву. Это чтобы говорить да песни спевать, значит.

– Удобно, – Василиса приободрилась. Уж где ещё, как не в волшебном краю, продолжить изучать колдовскую науку? – Значит, об этой травке Кошечью сказать надобно?

– Да ты не тушуйся – прямо проси. Он только порадуется. Говорит, мол, глупые вы бабы – даже поговорить не с кем. Отрада Гордеевна могла бы хорошей собеседницей стать, да не захотела – всякий раз, когда Кошечей её навещает, молчит. Может там по делу фыркнуть, ежели что не так, а поболтать о душевном – ни-ни.

Ага, значит, Кошечью не хватало дружеских бесед. Это Василиса тоже запомнила – пригодится.

– Скажи, Анисья, а что ещё нужно знать, когда с Кошечем разговариваешь? Ну, чтобы не ляпнуть лишнего и почём зря в немилость не угодить. А то не хотелось бы... – она совсем незаметно кивнула в сторону башни, но Анисья всё поняла.

– Дык, – она начала загибать пальцы. – Привечать мужа, не перечить ему, сбежать не пытаться, на змеек-кошечек не наступать, огнелёсок не дразнить, с другими жёнами в мире жить – не ссориться, не драться. Тут, на самом деле, не так уж и плохо, лет через пять привыкаешь.

– А сколько ты здесь?

– Да уж, почитай, скоро дюжина вёсен будет, как Кошечей меня из родного дома забрал.

– Дюжина? – Василиса воззрилась на неё с недоверием. – Сколько же тебе тогда годков было?

– Я уж и не упомяну-то, – беспечно отмахнулась Анисья. – Ты не смотри, что молодо выгляжу. Яблоко мне Кошечей подарил. Молодильное. Не старею я теперь, как будто настоящая навья баба. Ну или дивья – меж ними, признаться, особой разницы-то и нет. На рожу не схожи, а внутри – одно и то же.

На этот раз Василиса улыбнулась её шутке совершенно искренне.

– Ух, Анисья, как я тебе завидую! Хотела бы я тоже не стареть и не умирать!

– Дык это, Васён, дело наживное. Будешь хорошо себя вести – сама вскоре яблочко получишь в награду, и сестрице твоей вечная молодость перепадёт. Вы Кошечью уж очень нравитесь. Прежде не бывало такого, чтобы он сразу двух невест из одного дома приволок.

Анисья хотела добавить что-то ещё, но тут зеркальные двери распахнулись, ударил незримый колокол, и в покои вошла мрачная... ну, наверное, злыдница. Хотя, может, и упырица – кто их разберёт? Лицом синюшная, глаза навывкате, когти длиннющие, вся кожа в пятнах, в ушах – волосня, на носу бородавки, и зубы острые. Ну чисто баба Яга из сказок, да только не старуха, а молодуха.

– Князь Кошечей велел невестам поскорейше к пиру одеваться. Сегодня вечером свадьба! – её голос был похож на скрип несмазанных дверных петель, аж мороз пробирает.

– Вот, я же говорила! – Анисья всплеснула руками. – А мне, между прочим, целый месяц ждать пришлось, пока обо мне вспомнили.

– Ох... уже? – из рук Василисы выпала чашка (к счастью, не разбилась).

По правде говоря, она предпочла бы, чтобы Кошечей о ней и вовсе не вспоминал. Но как тогда узнаешь, где его смерть запрятана? Нет, тут уж придётся прикинуться верной женой,

стать приятной собеседницей, улыбаться и сиять, а не по углам прятаться. И хоть больше всего сейчас ей хотелось забиться за портьеру и кричать от ужаса, она встала, расправила плечи и требовательно топнула ногой:

– Ну, и чего стоишь, дура зубастая? Кто меня наряжать будет?!

Глава восьмая. Кошечья свадьба

Анисья была права – сама Василиса ни за что бы не разобралась с этими нарядами. В деревне-то всё просто было: рубаха да сарафан, а тут шаровары шёлковые на завязках надень, сверху – рубаха тоже шёлковая с рукавами аж до полу, потом парчовое платье – без рукавов и длиной чуть ниже колен, чтобы, значит, и штаны было видно, и короткие сафьяновые сапожки. Потом ещё три накидки сверху – две длиной в пол, а третья так вообще хвостом волочится. И тяжёлые все – так просто не побегаешь. Цвета всё красные да оранжевые – будто огненные сполохи. Таких ярких тканей Василиса отродясь не носила.

– Тут на свадьбу у всех в красное рядят, – Анисья помогла ей вдеть серьги с рубиновыми цветами. Мочки больно оттянуло, но подруга погрозила пальцем. – Терпи, не вздумай снять. У меня после свадьбы и уши болели, и шея – ожерелье-то тоже тяжёленькое. А уж браслеты – так и вовсе ну чисто кандалы.

– Зачем вообще такое носить? – Василиса, вздохнув, поморщилась.

– Для красоты, – проскрипела злыдница, рывком затянув на ней пояс так, что пришлось шумно выдохнуть. – Так князю нравится. А мы все должны делать то, что нравится нашему господину.

М-да, тут и не поспоришь... Ладно, придётся один вечерок потерпеть. Зато потом она это всё точно носить не будет – вон другие же жёны не таскают на себе по пуду золота каждый день?

Анисья расплела Василисины косы, вздохнула с завистью:

– Какие густые! Эх, мне бы такие!

– Ой, нет ничего проще. Хочешь, волшебный гребень тебе подарю? Вообще-то, Кощей его моей сестре прислал, но, я думаю, она против не будет. У меня ещё совсем недавно совсем жидкие косёнки были, но причесалась – и вон, смотри, что выросло?

– Правда дашь? Не обманешь? – Анисья ахнула, хлопнув в ладоши. Её светло-голубые глаза загорелись, на бледных щеках появился лёгкий румянец. – А когда? Дык после свадьбы, наверное, да? Сейчас-то тебе, небось, не до того... Ох, Васёна, добрая у тебя душа.

– Да не такая уж и добрая, – Василиса немного смутилась. – Знаешь, я ведь много глупостей натворила в жизни.

– Дыкть никто не совершенен, – отмахнулась Анисья. – Помяни моё слово, здесь тебе ещё не раз придётся наступать на горло своей песне. Хорошим человеком легко быть, когда тебя все любят, холят и лелеют. А тут, чтобы выжить, и врать приходится, и юлить. Чай Навье княжество – не рай.

Василиса пожала плечами. Она понимала, что в том деле, которое они с Марьяной задумали, без лжи не обойтись. Но ежели врагу лютому врешь – это же вроде можно?

Злыдница закрепила на её голове корону, похожую на переплетение золотых ветвей. Голых, без листьев, зато украшенных ягодами из сердолика.

– Готова невеста, – проскрипела она. – Красотинушка, так бы и съела.

– Что?! – вскинулась Василиса, гневно вскинув брови. – А ну как я Кощею за такие слова нажалуюсь.

– Простите, госпожа, – злыдница опустила взор и втянула тёмные когти. – Я это... ну, не в том смысле.

– Смотри у меня!

Василиса попыталась сделать шаг и чуть не упала, запутавшись в полах верхнего халата. И кто только придумал делать их такими длинными?

Злыдница шёлкнула пальцами, и в залу влетели две летучие мышки. Ударившись оземь, они обратились в двух темноволосых девиц, закутанных в струящееся чёрное тряпье. Их губы были истошно-алыми, из приоткрытых ртов торчали острые клыки, на белой как полотно коже

проступали синие вены. Глаза казались такими тёмными, будто радужки в них вовсе не было – только зрачки.

– Упырицы понесут шлейф, – пояснила злыдня, пятясь и кланяясь. – Ежели госпожа не против.

– Пушай несут, – Василиса поправила замявшийся рукав.

От мышачьих девиц-упыриц, вставших за её спиной, резко пахло могильной затхлостью и влажной землёй. Ну да, а чем должно было? Розами? Они, небось, и спят в гробах, и кровь неугодных Кошечью людей на завтрак пьют...

При одной мысли об этом Василисе стало дурновато. Хорошо, что она сегодня почти ничего не ела, а то ведь могло бы и совсем худо сделаться...

Анисья погладила её по спине.

– Крепись, родненькая. Теперь вам самим дойти надобно. Я б поддержала, но мне с вами никак нельзя. Нас с Алатаной и Отрадой Гордеевной на праздник позже позовут, так уж заведено.

Сжав зубы, Василиса кивнула и пошла к выходу, стараясь идти медленно и плавно. Проходя мимо двери, глянула в начищенную зеркальную гладь – и не узнала себя. На неё смотрела какая-то чужая девица. Красивая, но... несчастная. Эх, сколько же дней она ещё там, в Дивнозёрье, проплакала в подушку, мечтая, что вот бы у неё были такие косы, как у Даринки. И такое же смазливое личико, чтоб не только люди – уличные коты, и те в восхищении оборачивались. Что ж, теперь это всё у неё было, а счастье... счастье тоже осталось в Дивнозёрье – в отцовской избе да в пропахшей травами хижине бабки Веданы.

Упырицы, кстати, в зеркале не отражались – как и учила старая знахарка.

Прежде Василиса думала, что, увидев кровососа али ещё какое чудовище, непременно завизжит и убежит. А вишь ты – устояла. Может, потому, что некуда было бежать. А гонять их от себя чесноком да серебряными оберегами тоже было ни к чему – не нападают же. Наоборот, выслужиться пытаются перед Кошечьей невестой...

Ещё Василисе подумалось, что, какой бы сильной и красивой она ни была, внутри всегда останется та маленькая невзрачная Васёнка, которая будет плакать от страха, но её никто не услышит. С этой мыслью она отвернулась от зеркала, сделала ещё шаг вперёд – и едва не налетела на Марьяну.

– Ох, – та захлопала глазами. – Васенька, ты ли это? Не признала тебя – значит, богатой будешь. Думаю, что за царевна такая мне навстречу плывёт, будто лебедушка.

– На себя посмотри! – Василиса нашла в себе силы улыбнуться.

Марьяну, конечно, тоже раздели к праздничку.

– Жаль, ваш батюшка не видит. То есть наш батюшка, – вовремя опомнилась бывшая работница. – Эх, не поведёт он нас под венец под белы ручки, не одарит словом отцовским, напутственным...

– Да, небось, схоронил уж нас да оплакал, – Василиса закусила губу, чтобы не дать волю слезам. Не дожётся Кошей поганый, не увидит больше её слабости. Вон Отрада Гордеевна вечно стоит с каменным лицом – ничегошеньки не прочитаешь. Надо бы с неё пример взять.

– Господин Мокша вас встретит и отведёт к князю, – злыдня сняла со стены фонарь, который горел зеленоватым холодным пламенем. – Слыхала я, ему эту почётную обязанность вверили за то, что нашёл вас, таких пригожих. Ух, так бы и съела... ой, молчу, молчу!

Опомнившись, она втянула голову в плечи.

– Подавишься, зубастая! – фыркнула Марьяна и взяла Василису под руку. – Нет уж! Мы с сестрой сами друг дружку к венцу отведём, а Мокша ваш пусть утрётся! Ишь ты, как его тут уважительно величают... А по мне так гнилой лужи он господин!

Решётка с железными змеями сама распахнулась, пропуская Кошечьих невест. Разряженный, как павлин, болотник встретил их с той стороны арки, увитой луноцветом. Он одёрнул

зелёный бархатный кафтан, поправил алую с золотом перевязь и улыбнулся, показав щучьи зубы.

– Ох, ну прямо не девки, а Жар-птицы! – он закрыл глаза рукавом. – Шас ослепну от вашего великолепия.

– Было бы неплохо, – огрызнулась Марьяна, проходя мимо. – Эй, руки свои мокрые убри, я сказала! Сами с сестрицей дойдём, безо всяких там лупоглазых прихвостней. Ещё понацепляем от тебя бородавок, жаба!

Мокша такого яростного отпора не ожидал, так и застыл с разинутой пастью. И лишь очнувшись, спустя пару мгновений, зло заквакал девушкам в спину:

– Ну и пожалуйста! Пф! Не очень-то и хотелось... Ишь, борзые какие девки нонче пошли! А говорили, мол, младшая-то добрая да покладистая, мухи не обидит. Врали, видать! Ничего, Кошей вам ещё покажет! Он и не таких норовистых кобылиц осаживал!

Василиса решила не обращать внимания на его вопли, вместо этого повернулась к семенившей рядом злыднице, освещавшей им путь:

– Ну, показывай, где тут Кошей обычно женится? В храме каком али?.. – она осеклась, поняв, что сболтнула глупость. Ну какой может быть у Кошей Бессмертного храм? Разве что себе-любимому поклоняться.

– Храмов тут нетути, – злыдница запричитала так жалобно, будто извинялась. – Токмо зала пиршественная – называется Макова палата.

– И как же тогда свадебный обряд проходит? – об этом, наверное, стоило раньше спросить. Но впечатлений сегодня и так было слишком много, и разум Василисы просто не поспевал за происходящим. Да и не думала она, что свадьба прямо сегодня будет. Не по-людски это – только приехали, и сразу жениться.

Последней мысли она усмехнулась. Ну да, в Навьих землях и не должно быть по-людски.

Тем временем злыдница, польщённая вниманием госпожи, пустилась в пояснения:

– Обряд-то простой. Зачем усложнять? Собирает князь гостей да заявляет: так, мол, и так, своею волею беру эту девицу в жёны при свидетелях, целует в уста сахарные – и всё, с той поры они супругами считаются. А дальше все пируют, радуются, танцуют. Столько морошковой настойки выпивают – жуть! Едва подавать успеваем...

Василиса подумала, что сама бы сейчас от глотка морошковой настойки не отказалась – для храбрости. Но просить ни за что не будет.

В ночи поднялся сильный ветер, поэтому злыдница повела их обходным путём, по крытой галерее замка. Ветви деревьев стучали в окна, будто бы требовали впустить их схорониться от непогоды. Небо то и дело озаряли сполохи молний, а тени принимали зловещие очертания. Василисе чудились злые лица, глядящие из темноты, тяжёлые вздохи, шорох крыльев, пристальные взгляды из-за портьер. Казалось, что замок Кошей – это не просто бездушные камни, уложенные когда-то в ряд умелыми каменщиками, – он больше напоминал чрево какого-то голодного зверя, заглотившего их – свою добычу – добычу целиком. Леденящий холод пробирал до самого нутра, несмотря на многочисленные слои одежды, и Василиса покрепче переплела свои пальцы с Марьяниними. Подруге явно тоже было не по себе, но она пыталась держаться, будто бы ей всё нипочём:

– А что же, огней здесь зажигать не принято? А то так и споткнуться недолго. Ишь, плиты-то какие неровные.

– Так мы-то все в темноте видим, – злыдница подняла фонарь повыше. – А для вас я вон чё взяла, позаботилась.

– Ну, спасибо тогда... э-э-э... – Марьяна замаялась. – Слышь, а зовут-то тебя как?

Услышав этот вопрос, злыдница аж с шагу сбилась и чуть не выронила фонарь из синюшной когтистой лапы.

– М-меня? – её скрипучий голос дрогнул.

– Ну не меня же, – фыркнула Марьяна.

– Я... я не помню... – уродливые черты стали от растерянности даже как-то мягче. – Было же какое-то имя... ещё при жизни...

Позади тихонько захихикали упырицы, и Василиса шикнула на них. Ещё совсем недавно она побоялась бы, но сочувствие оказалось сильнее страха.

– Кем ты была, тоже не знаешь?

Злыдница покачала косматой головой, поскребла когтем бугристый подбородок и шумно выдохнула:

– Стало быть, и не надо мне того знать. Главное, чтобы князь Кошей был доволен моей службой. А ежели мы опоздаем, он будет сердиться. Идёмте скорее, сударыни.

Она воздела фонарь над головой и, прихрамывая, засеменила по гулкому тёмному коридору – вперёд, на едва различимые сквозь свист ветра звуки музыки.

Вскоре они оказались возле громадных дверей, обитых железом. Изнутри доносились приветственные возгласы, смех и гнусавые звуки дудок. А рядом, прислонившись спиной к стене, стоял Мокша. Его кафтан был мокрым от дождя, но болотника, кажется, это совсем не заботило.

– Долго же вы добирались, – насмешливо квакнул он. – А только без меня всё равно не справитесь. Дверцу-то открыть придётся. А для этого волшебное слово сказать надобно. Мне его Кошей на ушко нашептал, а злыдницам да упырицам его знать не положено. Не был бы я на вас обижен, сказал бы за так. Но теперь не бывать тому! Думайте, девицы-красавицы, чем вы меня умаслить можете.

Василиса, не говоря ни слова, потянулась к дверной ручке, и тут её словно огнём опалило, а сквозь чеканные цветы мака высунулись три железных головы Змея Горыныча – небольшие, каждая размером с кулак. Из пастей вырывались язычки пламени. Так вот что там обжигало-то!

Василиса украдкой подула на пальцы, а головы нестройно, но требовательно пробасили:

– Кто идёт?

– Кошечья невесты! – пока Василиса хлопала глазами, Марьяна успела ответить первой.

– Волшебное слово! – средняя голова щёлкнула зубищами прямо перед носом.

Обе невесты отпрянули, как по команде, чуть не отдавив ноги упырицам, державшим шлейфы. Оказавшись на безопасном расстоянии, Василиса выдавила:

– Э-э-э... пожалуйста?

Но, разумеется, речь шла о каком-то другом волшебном слове.

Мокша улыбался, явно чувствуя себя отмищённым. Упырицы хихикали. Им, похоже, вообще свойственно было хихикать по поводу и без.

А Марьяна вдруг упёрла руки в бока и окликнула злыдницу:

– Эй, Марусь! Ничего, если я тебя так называть буду? Совсем без имени-то негоже ходить. Так вот, Марусь, а вы-то как в залу заходите, коли тайного слова вам не говорят?

– Так через кухню, – пролепетала злыдница, хлопая глазами. – По чёрному ходу.

– Значит, и мы так пойдём. Правда, Васёна? Веди нас, Марусенька!

– Вот же несносные девки, – буркнул Мокша. – Ладно, стойте. Уговорили.

Он оттеснил их, сам встав перед дверями, бесцеремонно щёлкнул Горыныча по носу и проквакал:

– Ключ-вода, отопрись.

Железный охранник спрятался между чеканных маков, а петли заскрежетали – створки открывались.

Памятуя прошлый отказ, больше Мокша руку предлагать не стал, просто встал впереди девиц и, скомандовав: «За мной, красавицы», – первым шагнул на ковровую дорожку, украшенную золотым шнуром и усыпанную алыми лепестками.

Василиса и Марьяна переступили порог. Хлоп – упырицы превратились в летучих мышей и продолжили нести шлейфы в цепких коготках. Наверное, этот их облик считался более подobaющим. (Странно, конечно, но в Нави вообще странные правила приличия.) А злыдница осталась снаружи. Василиса обернулась и увидела, как та провожает их с Марьяной чуть ли не влюблённым взглядом.

– Марусенька, – едва слышно пробормотала она. – Ишь ты!

После чего двери с грохотом захлопнулись.

Грянула музыка, оглушившая Василису. И как только гости могли выносить эту какофонию? Такое ощущение, что музыканты ни разу не сыгрались между собой, но при этом каждый пытался выслужиться и сыграть громче остальных. Особенно невыносимо нескладными были литавры и барабаны.

От дорожки, по которой вышагивали две невесты, исходило сияние – это золотые шнуры светились, а вся остальная зала утопала во тьме. Ну или по крайней мере так казалось из-за слишком резкого контраста освещения. Мир сузился до пятен света под ногами, ужасающей музыки, чужого дыхания и невнятных шепотков гостей. Василисе казалось, что она идёт над бездной, – может, так оно и было, кто знает? Она не стала делать шаг в сторону, не желая испытывать судьбу.

Взволнованные и почти ослеплённые, они дошли по сияющей дороге до самого конца, и тут музыка стихла, свет погас – сперва показалось, что стало совсем темно, но вскоре глаза Василисы привыкли к полумраку, и она ахнула, увидев перед собой огромный накрытый стол, который стоял – нет, не посреди залы, а посреди цветущего макового поля. И хоть над головой всё равно был каменный потолок, но по нему резво бежали облака, а нарисованное солнце уже почти село за барельеф.

– Но ведь снаружи уже давно ночь... – Василиса сама не заметила, как выдохнула это вслух.

Мышцы-упырицы снова захихикали и чуть не уронили шлейф. А кто-то из гостей весело и звонко выкрикнул:

– Опять красивых девиц принёс наш князь. А ведь обещал – умных.

Более взрослый басовитый голос возразил:

– Ты, Ардан, на Кошечьих невест зря-то не наговаривай. Смертные оне, и для них тут всё вокруг – диво дивное, чудо чудное.

– Может, и так, дядька Ешэ, – фыркнул тот, кого называли Арданом, нехотя признавая правоту собеседника. Кем бы ни был этот тип, но Василисе он уже не нравился.

Она хотела было возразить, но всё её хвалёное остроумие куда-то подевалось от волнения. Да что там, даже остроязыкая Марьяна не нашлась что ответить. И тут заговорил Кощей – его вкрадчивый голос можно было узнать из сотни. Князь говорил тихо, но все вмиг замолчали.

– Добро пожаловать, ненаглядные, – он поднялся, оперевшись на стол, и указал на два места подле себя: по левую и по правую руку.

Василиса только успела задуматься – как им на ту сторону попасть (Не прыгать же через стол в таком наряде? А обходить долго – гостям княжеским конца и края видно не было, и белая лента скатерти казалась бесконечной, как и стоявшие на ней яства.), как вдруг налетели буйные вихри, закружили маковые лепестки и в одно мгновение ока перенесли невест: Марьяну – на кресло по правую руку от Кощея, а Василису – по левую. Ух и неудобные у князя стулья! Даже сквозь все накидки чувствовалось, какие твёрдые. Нет бы подушку подложить...

Василиса, ёрзая, взялась за подлокотники и ахнула, только теперь разглядев, что кресла невест, как и сам Кошечев трон, были сделаны из человеческих костей. А без пяти минут супруг, ухмыляясь, наслаждался её смятением.

В отличие от других гостей, разодетых в пух и прах, князь выглядел довольно скромно. К кафтану с волчьим мехом добавился тяжёлый бархатный плащ, а голову венчала резная костяная корона с бляхами чеканного золота – под стать цепи на груди.

Прежде забранные в хвост волосы были распущены, в остальном же Кошей был таким же, каким и свататься приехал. Только больше не елозил, не подпрыгивал, а стоял скала скалой – видать, неуютно ему было в Дивнозёрье. Ну мало ли, может, воздух там не тот? А тут его земля – его власть.

– Ну, счастьяца вам, – молодой навий парень с «конским хвостом» на макушке, сидевший рядом с Василисой, встал и поднял свой каменный кубок. Она узнала звонкий голос Ардана.

А тот бородатый и задумчивый воин с длинной косицей справа от Марьяны, должно быть, и есть дядька Ешэ.

Оба навых молодца носили серебряные венцы в форме двух переплетённых змеек и, наверное, являлись какими-то особо приближёнными к князю лицами. Советниками, может быть?

Ешэ, крякнув, тоже поднял кубок:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.